

Ольга Покровская

Раз, погиб счастлив...

Ольга Покровская

Рад, почти счастлив...

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=6702560

Рад, почти счастлив...: Роман / Ольга Покровская.: Луч; Москва; 2009

ISBN 978-5-88915-043-5

Аннотация

«Рад, почти счастлив...» – книга для тех, кто, устав от духоты мегаполиса с его бетонными дорогами и карьерными лестницами, тоскует по искренности и красоте.

Роман посвящён нашим современникам, не принявшим потребительскую систему ценностей и оставшимся на стороне человечности и добра.

Главный герой – Иван, одарённый душевной чуткостью молодой человек, – отстаивает свою независимость от шаблона. Без споров и борьбы, самой своей жизнью, он стремится сохранить право не участвовать в Суете. Его призвание – сочувственная симпатия к людям, животным, природе, мелочам жизни. Однако, по меркам общества он – неудачник, опоздавший на все поезда. Даже самые близкие люди требуют от него переоценки ценностей...

Недостаток доброты – беда сегодняшней литературы. В книге Ольги Покровской доброта есть, как есть и щемящее чувство

любви к миру с его несовершенствами, и драматический поиск гармонии.

Свежий, поэтический язык автора позволяет читателю полностью раствориться в мире романа – ощутить аромат кофе и гренок, почувствовать на щеках мокрый снег и ошеломлённо замереть вместе с героем перед явлением первой весенней оттепели.

Ольга Покровская

Рад, почти счастлив...

Жизнь прошла и смерть прошла, он почти забыл их муку и принялся за дела, те же, что и «при жизни». Что именно случилось с ним, он уже и не помнил, и не хотел оборачиваться. Слава богу, главное уцелело: природа, дом, душа и рассудок – всё, что нужно человеку. Иван признавал своё везение и ему ничего не хотелось добавить к имеющемуся.

За последний год в его городском жилище произошли перемены, которые можно было бы определить, как упадок, если бы не трогательное отношение к ним самого Ивана. Встали настенные часы, поломались электроприборы – посудомойка и чайник, беспорядочно разрослись лимоны, лианы, герани, перестали закрываться разбухшие межкомнатные двери. В этих руинах и зарослях колыхалась жизнь: растения требовали питья, врывались телефонные голоса и просили участия. Иван на «руины» смотрел с удовольствием, цветы поливал и участие проявлял исправно.

Да и вообще, без спешки, лишённый целей, он испытывал хорошее чувство – как будто, наконец, добрался до дома. Оставалось попить чай да наблюдать за пьесой, в которой с некоторых пор у него нет роли. Нет, он действительно не играет – всё!

Окончательно излечившись за лето от старой тоски, Иван

с умилением перечитал свои прошлогодние записи – дневник борьбы за радость, коллекцию волевых актов, которые должны были спасти его из пропасти. Ложиться в одиннадцать, вставать в шесть, бегать, выучить испанский, сочинить фугу, следить, чтобы в плечах не было зажима, жить для людей!

Ускорили вышеназванные меры его выздоровление или нет, до сих пор было ему неизвестно. Он решил, что пустит тетрадку на растопку дачных костров, а жизнь свою прохаллявит как-нибудь по-доброму, никаких не поставит целей, и ни о чём не будет жалеть.

Неторопливый день Ивана начинался с утра. При этом утренних часов в его жизни было больше, чем у других людей, потому что он не пропускал их, не отдавал на поживу ни сну, ни работе, а любяще проводил. Позавтракав, мыл свою чашку и направлялся к бабушке с дедушкой. Они жили в квартире напротив – Иван мог проведывать их в тапочках.

Вообще-то, он недолюбливал старость, но после произошедшего с ним Крушения спокойное, крылатое чувство появилось в нём. Как будто нашёлся совершенно новый путь, как, бывает, уже взрослые люди открывают в себе талант художника. Что-то такое произошло с его молодостью, отчего Иван полюбил компанию стариков. Даже то обстоятельство, что бабушка с дедом, как ни крути, умрут, доставив ему немало муки, не портило его хорошего настроения. «Всё-та-

ки вечность – такая штука, – надеялся он. – Раз полюбив, уже не разойдёмся».

Отгуляв утро, Иван приступал к рабочему дню, и вновь мог не торопиться, поскольку в вопросах добычи насущного хлеба имел большие поблажки.

Когда-то его отцом было основано предприятие, занимающееся звукоизоляцией помещений. Оно приносило скромную, но стабильную прибыль. Несколько лет назад, после бегства мамы в Вену к новому мужу, отец переменял жизнь. Он тоже «бежал» – правда, не так далеко, в Питер, а управление делом отдал сыну. С грустью Иван взялся познавать процесс закупок и продаж. Но однажды они с коммерческим директором пошли выпить пива, и как-то так душевно сложился их разговор, что Иван поверил – его участие не обязательно. Работа будет двигаться и без него. С той поры он забросил продажи с закупками, и стал следить за тем, чтобы в офисе не заканчивались печенье, кофе и чай. В случае необходимости мог подвезти монтажников на объект или растолковать забредшему в офис клиенту свойства изолирующих материалов.

По будням баловень он садился в машину и ехал в офис, на Большую Татарскую улицу, прекрасную в любую погоду. Впрочем, долго не высиживал никогда. В субботу же и воскресенье выходил из дому без определённых целей. Двигался по улице не торопясь, от души и без разбора интересуясь происходящим, и спокойно мог простоять четверть ча-

са возле торговки зеленью – потому только, что ему доставляло удовольствие наблюдать, сколь разношёрстный народ устремляется к её лотку. Дворник и мамаша с коляской, модница и старик – все мечтали заполучить на хмурый осенний обед зелёного лука. Братство ценителей жгучих стрел прибавляло Ивану бодрости, и он шёл в гараж, за велосипедом, чтоб на холмах между рекой и лесом так же жгуче и весело свернуть себе шею.

Велосипед был единственной дерзостью его нынешней тихой жизни. Сначала Иван просто ездил вдоль грязной, милой Клязьмы, но скоро его потянуло в прибрежный лес. Там, над рекой, берег бугрился, образуя многоярусные горки. В низинах росли свинушки. Эти трамплины, посыпанные берёзовой листвой, были словно нарочно рассчитаны так, чтобы ловкий и выдержанный велосипедист справился с трассой, а середнячок угодил в гипс. Такие условия оказались неожиданно приятны Ивану. И особенно захватило дух, когда он понял: если упустить поворот или даже просто не точно встать колесом на скользкий грунт, можно улететь в реку.

Прошлой весной в этих самых грибных овражках он сломал себе руку – и всякий страх отступил, как будто переломом был оплачен входной билет в царство горного велосипеда. Действительно, с тех пор Иван не падал, но ничего мистического в своём успехе не находил, а связывал обретенную ловкость с преодолением психологического барьера.

Со временем Иван открыл закономерность: чем крепче

становилось его физическое бесстрашие – тем прочнее был душевный мир, а сила, потраченная на холмах и трамплинах, возвращалась ровной бодростью духа.

Вот так, исполняя свои небольшие желания, он проводил дни и удивлялся простоте и покладистости жизни, ни в чём не чинившей ему препятствий. Как будто Иван и его судьба, наконец, объединились, и ни одному из них не хотелось того, чего не смог бы осуществить другой.

Сад, в котором он жил, был населён дорогими ему людьми – бабушкой, дедушкой, мамой, переселившейся в Австрию, но не отступившей от сердца. Нового не прибавилось. Да и откуда бы ему взяться? Как мог Иван выиграть, раз давно уже не играл? Зато ко всему оставшемуся он относился с бережностью старика, и себя почитал богатым.

Кроме бабушки с дедушкой, из «остатка» ближе всех к нему была соседка по подъезду Оля. Её муж погиб шесть лет назад. Вышло так, что Иван оказался в ту ночь слишком рядом, чтобы счесть себя посторонним. «А я и не сомневалась! Это же не человек – наркоман, сумасшедший. Плевать, что жена беременная», – раз сто повторила Оля, сидя тогда с Иваном на лавочке у подъезда. А утром, на два месяца раньше срока, у неё родился Макс.

Эти страсти Иван забыл – божьей милостью вытиснилось из памяти. Но осталась связь. Он любил своих странных крестников, ему нравилось быть в курсе их жизни и по мере

надобности участвовать.

Иногда Иван звонил Оле и спрашивал, не даст ли она ему Макса – прогуляться на реку? И обычно получал разрешение – но не больше, чем на полтора часа, и с условием: не ходить на обрыв, и следить, чтобы не было ветра! Иван всё исполнял. В особенности ему нравился последний пункт, требовавший от него компетенций волшебника.

Самой гулять с Максом Оле было некогда – она вела сплошь трудовую жизнь. Если день оказывался ей не по силам, после работы она заходила к Ивану, и лицо её мучилось, но слёз не было.

Что мог сделать Иван? Наливал Оле вина, сажал к окну и делился ничтожными новостями своих прогулок. «Шёл сегодня мимо остановки, – улыбаясь, рассказывал он. – Там газетный киоск. Какой-то мужик, средне пьяный, пристал к девчонке. Давай, говорит, я тебе куплю журнал! Только скажи – какой! От души хочу! Девчонка убежала. Тогда он поймал мальчишку и купил ему журнал про футбол. Ну, мальчишка был не против...»

«Это всё сказки для бедных!» – обрубала Оля, и Иван умолкал, ошарашенный пролетарской красотой её лексики.

Иногда им везло – утешение касалось сердца, и Оля оказывалась подключена к счастливому мировосприятию Ивана. С удовольствием она оглядывала стол и окно, и целую жизнь, в середине которой она уютно расположилась со своими родителями, с Максом и добрым приятелем ниже эта-

жом. На час, при сочувственной помощи Ивана, жизнь удавалась. Но сама она не дышала – нет. Тут было нужно радикальное средство.

В сентябре возле Оли появился некий Владимир. Они познакомились на работе. Владимир привёз к ним в офис программный продукт и неспешно обучал ему Олю. Когда же обучение закончилось, стал заезжать на всякий случай, выяснить – всё ли ясно?

Владимир был широкоплечим парнем с честным, отрешённым лицом бойца. Он разговаривал сигаретами. Закуривание было его вопросом, а также его ответом. Иван видел однажды, как, сплетаясь кудряшками дыма, они с Олей идут по двору, и был задет. Не то чтобы ему захотелось любви. Нет, не любви, но намёка, лёгкой раны сердца, которая в соединении с нынешним спокойствием и дала бы ту самую подлинную жизнь, о какой мечтал.

Он понимал, что может позволить себе только очень щадящее чувство. Во-первых, из-за стариков, с которыми надо бывать много, чтоб они не успели затосковать. Во-вторых, Иван и сам был не готов к штормовой погоде. У него не осталось ни смелости, ни корабля. Он всё потерял в бурю и до сих пор не восстановил утраченное.

Потихонечку двигая свою жизнь к соразмерности, он вымел из сердца сожаления и хандру, затушил пустые надежды, даже не курил больше – бросил с такой восхитительной лёгкостью, что многое на свете стало казаться простым.

Ну а как же непредвиденный ветер? Хлопки дверей? Форточка, в которую нальёт дождя? И здесь Ивану повезло. У него был Костя, восемнадцатилетний мученик, выросший из вундеркиндов, но ещё не попавший на взрослый чемпионат.

Он прибегал и раскладывал перед Иваном свои карты: игральные, морские и звёздного неба. И каждый раз Иван ждал с любопытным сердцем, что ещё предложит ему этот игрок, путешественник, звездочёт.

При нём был «этюдник» – кожаная котомка с твёрдыми стенками и крышкой, как у школьного ранца. «Тут вся моя механика! – хвастал Костя. – Капот моей души!» В «этюднике» лежал маленький ноутбук, блокнот с рисунками и какая-нибудь живописная книжка. Нынешней осенью это был старый, залитый вином и дождями Гёте. Костя не знал немецкого, но читал в подлиннике. Не знал он и рисования. Его рука была точна от природы, а учиться он не хотел, опасаясь утратить свое крылатое дилетантство. Ноутбук служил ему печатной машинкой. Он любил писать с натуры, засеив в кафе на Кузнецком, напротив арки метро. Арка тем была хороша, что, выходя из неё, человек на миг приостанавливался, решая, куда идти. Из позы, жеста, одежды, раздумья на лбу, Костя легко выводил историю.

«Я должен подставить себя миру, как линзу под луч, – чтобы вспыхнуло! – декларировал он свою цель. – Или скажем иначе: я должен поймать мир в зеркало и пустить зайчика!»

В минуты патетики Ивану казалось, что он сам для того только и рождён на свет, чтобы отдать все силы на проверку какого-нибудь винтика в гигантском лайнере Кости.

Иван знал Костю давно, любил его сестру Бэллу и был с ней счастлив.

Позапрошлой весной на Бэлку, как проклятье, свалилась вакансия – Венский университет, кафедра славистики. Это было стоящее искушение – удержаться она не смогла. Известие о том, что Бэлла едет в Вену преподавать русский, ошеломило Ивана. Если принять во внимание мамину Австрию, это начинало пахнуть роком. «Значит, и мне надо ехать», – удручённо подумал он. И поехал бы, потому что – ну как без Бэлки? Но была одна загвоздка – бабушка с дедушкой. Бросить их на последнем витке старости он не мог.

«Я всё понимаю! Но мы не сумеем построить жизнь, оглядываясь на стариков! – сказала Бэлла, когда Иван попросил её отказаться от предложения. – Конечно, мы будем иногда приезжать. Наймём им, в конце концов, помощницу по хозяйству!» Её голос был звонок и твёрд.

Не дослушав, Иван встал и пошёл в гараж за великом. Ему хотелось спасительного ветра, свиста, целую жизнь хотелось мотаться по берегу холодной реки.

А вечером, возвращаясь домой, он увидел во дворе Костю. Тот нёсся к нему по весенней воде – со стиснутыми кулаками и лицом, накалённым невиданной яростью. Ярость

выкипала и конденсировалась в слёзы. Подлетев к Ивану, он с разгону толкнул его в грудь. Ещё и ещё, пока Иван не упёрся спиной в хилый дворовый тополь.

– Ну! Доволен? Рад? – кричал Костя, захлёбываясь. – А я, дурак, поверил – будете вместе! Будет жизнь! Намылился уж к вам в гости летать! Ты можешь мне объяснить, почему ты не едешь?

Проще всего было бы возразить: ну а что же твоя сестра? Не послать бы ей к чёрту эту вакансию? – Но нет, качать права Иван был не обучен.

Молча он посмотрел вдаль, насколько позволяли дома. Повсюду была весна. Она заселилась ещё не явно – намёками. Рассеяла споры по низким облакам и голым деревьям, по дырявым, как старые сети, вороньим гнёздам. Пахло рекой.

– Тебе что, ответить неважно? – Костя сильно замахнулся и саданул ногой по льдистой жиже, так что Иван оказался весь в слезах талого снега. – Хотя бы объясни по-человечески!

Иван вытер щеку.

– Костя, у дедушки – мерцательная аритмия. Куда я поеду?

– Так возьми его с собой! И бабушку в придачу! Это же Австрия, а не Африка! – бушевал Костя. – Или вызови свою маму – пусть она с ними сидит! Даю тебе день на раздумье! Если ты из-за своего бреда отречёшься от Бэлки, ты будешь – ноль в моих глазах! Понимаешь: ноль – в моих – глазах!

Не найдя, как ещё заклеить Ивана, он сорвался и, срезав путь по чёрному снегу газона, исчез за домом.

Чуть покашливая – всё-таки, Костя хорошо саданул его в грудь – Иван побрёл через воду детской площадки к лодке-песочнице и сел на бортик.

Так ли уж страшно оказаться нулём? – раздумывал он по-середине мартовского половодья. – Нет, не страшно совсем. Страшно, что не нашёл мудрости поступить верно. А ноль – так и бог с ним. Всё равно без Бэлки – это где-то уже за Стиксом...

Но нет, насчёт «Стикса» Иван ошибся. Прошли месяцы, и жизнь, совсем отхлынувшая было от сердца, возобновилась. Костя его простил.

«А что толку дуться! – объявил он. – Когда-нибудь же вы всё равно помиритесь!»

Иван верил и не верил в его счастливый прогноз. А пока что принял Костю, как наследство. Тем более что «ребёнок» давно уже был беспризорен. Родители, спасовав перед темпераментом сына, отреклись от престола, Бэлка прилетала редко. Зато Иван теперь любил зазвать его в гости и накормить!

Красные помидоры, жёлтый перец, зелёный лук – вот были лучшие краски! Из них легко смешивалось какое-нибудь греческое или итальянское жизнелюбивое блюдо.

– Ты опять занимаешься всяким бредом? – вопил подо-

спевший к обеду Костя и лез под бурлящую крышку, нюхал, совал в кипяток руки. – Ты что, не видишь, у тебя – жизнь! Хочешь отсидеться за чайником?

Иван мог бы оправдаться тем, что благоденствие произрастает в его жизни само, как трава на поляне, где вдоволь солнца. Если исчезнет уют, вероятно, найдутся другие способы, в которых его душевный мир обнаружит себя. Может быть его солдатские сапоги окажутся неожиданно прочны и сухи, или ягоды в партизанском лесу будут спелые?

Но он не оправдывался. И Костю злила, прямо-таки выводила из себя, улыбка Ивана, полная приятельских чувств.

Иван же потому улыбался, что вполне понимал причину Костиной досады.

Во-первых, он не поступил в институт. Это был честный провал: всесторонняя гениальность не позволила Косте отвлечься на освоение школьной программы. Во-вторых, чужие возможности и достижения дразнили его. Силы прибывали и затапливали город, как в сказке «горшочек каши» – Костя плакал от сил. Их можно было бы направить в русло, если б дело не портила преждевременно наступившая мудрость. Ребёнок заранее знал, что стремления обманчивы, а удовлетворение призрачно, и от этого его «заранее» пробирала хандра. «Ну да, – заявлял Костя. – Конфликт духа и крови. Спрашиваешь, что делать? А что тут поделаешь! Да-дим высказаться обоим!»

Иван, тронутый Костиной самодиагностикой, уважитель-

но сдерживал смех.

* * *

В прошлом году, слегка оправившись от кораблекрушения с Бэллой, Иван решил, что может, наконец, продолжить жизнь и заняться чем-нибудь новым. В сущности, всё, кроме здоровья ближайших родственников, было ему безразлично. Но однажды по бабушкиному радио пленительный голос пропел «Оду к западному ветру» Шелли, и Иван вспомнил, что любит стихи. Любит искусство вообще, и языки, на которых оно создаётся. Любит подмечать, как из мелочей возникает шедевр, снаружи припудренный эпохой, но если сдуть эту пудру – под ней будет вечное. «Вот что-нибудь в этом духе!» – подумал он и вспомнил, как во времена счастья Бэлла просила его не мыкаться со звукоизоляцией, а заняться тем, к чему призван: развить своё лингвистическое образование в какую-нибудь востребованную международную сторону. У неё была мечта – сделать преподавательскую карьеру и вдвоём с Иваном поселиться в небольшом европейском городке, где самый удобный транспорт – велосипед. Например, в Хайдельберге. Конечно, и Костю к себе они выпишут – пусть живёт в цивилизованном обществе!..

Тогда Иван улыбнулся Бэлкиной простодушной фантазии. А год спустя, когда всё было поздно, вдруг принял её мечту как завет, и в память о ней отыскал себе камень на

шею – факультет повышения квалификации. Там обычных гуманитарно-образованных граждан переплавляли в культурологов. Параллельная работа над диссертацией приветствовалась.

Это международное предприятие было организовано на базе того самого вуза, куда так и не поступил Костя. Иван почитал материалы сайта и, придумав себе список липовых исследовательских интересов, завалился на кафедру.

Безразличию его в те дни не было предела. Преодолевая рассеянность он принял к сведению, что факультет занимается исследованием культурного ландшафта восточной Европы в целом, и Москвы в частности, и что сотрудники его, несомненно, будут рады приветствовать нового коллегу и окажут всемерную поддержку творческим начинаниям. Оценив рафинированность лиц и речей, Иван подумал: пожалуй, это не то, чего бы ему хотелось. Но всё же сдал полагающиеся экзамены и влился в команду исследователей нематериальных благ.

На осознание своей чудовищной наивности у него ушёл месяц – время, по истечении которого он удосужился заглянуть в Список рекомендованной литературы. Тогда-то, в библиотеке, за чтением избранных работ, Иван растерял окончательно свой культурологический хмель.

Подборку открывали одна за другой две феминистки, за ними следовали: искусствовед, специализирующийся на архитектуре карательных заведений, историк, изучающий пуб-

личную казнь и несколько фрейдистски настроенных литературоведов. Этот фантастический «very best» потряс Ивана. Он бродил по словесному аду до сумерек, не чуя времени, а когда выбрался, не смог узнать мир – всё было гадко.

Как человек, намучившийся сам с собою, Иван посочувствовал авторам – всяко может скрутить человека! Но на следующий день всё же пошёл к своему научному руководителю.

Предложение Ивана было такое: если не изъять, то хотя бы уравновесить эти тексты другими – добрыми. Он выразился наивно и был впечатлён тем, как аккуратно, не выйдя за рамки приличий, но внутри этих рамок излупив всего, высмеял его старший товарищ.

Ознакомившись кое-как с теорией духовного разложения, Иван перешёл к практике. Это было легко. К его услугам оказался весь город с магазинами, клубами, ресторанами, выставками, научными семинарами, концертами, со всей печатной и электронной продукцией. Оставалось выбрать, какой именно сегмент «культурного ландшафта» он возьмёт под свою научную опеку.

Видя затруднения Ивана, сотрудница кафедры, специалист по «визуальности», взялась провести его по «актуальным площадкам». В компании знатока Иван осмотрел последние достижения европейской творческой мысли. Прошагал полузажмурившись сквозь кровавую фотовыставку,

обозрел таинственные инсталляции, постоял возле скульптуры из засушенных пауков – и ушёл, смеясь.

Помаявшись ещё в поисках темы, он сменил, было, «Город» на «Сетевую литературу», но вникнув, бежал и оттуда.

Слава богу, настало лето. Земля и зелень взяли власть над душой Ивана и вытеснили всю суету. Придя в начале сентября в институт, он твёрдо знал, что больше не хочет участвовать в описании эпохи. Ни словом, ни буквой не желает касаться «духа времени». Толковать его, рисовать с него портрет – много чести!

Приходилось признать – почти всё в его институтской эпопее было глупо и зря. Но оставалось ещё кое-что, что пряталось за «почти» – уют старой московской улицы, что вела к институту, множество юных лиц, среди которых попадались хорошие. И главная радость – в коридорах Иван мог изредка встретить Мишу.

Миша – средне молодой человек с талантом клоуна, одновременно настырный и независимый, был несчастьем кафедры. Когда-то он взялся за диссертацию, но заскучал и плюнул, и теперь, захаживая, держался как независимый шут – бросал крамольные реплики, гримасничал и рассылал эпиграммы на мобильные телефоны коллегам.

Он лучше научного руководителя сумел объяснить Ивану ошибку.

– Условно говоря, они хотят отделить церковь от государства, а вы хотите не отделять! – метафорически мыслил Ми-

ша. – Они, голубчик, правы! Культура – это ни черта не духовность. А то, что вы в ваши годы всё ещё путаетесь в определениях – стыдно вам!

– А чего стыдиться? – с удовольствием возражал Иван. – Что мне определения! Я – за красоту.

– А того, – с ещё большим удовольствием растолковывал Миша, – что вы чужды научного подхода! Цивилизация мчится во весь опор. Из-под копыт летят комья грязи. Задача ваших коллег – эту грязь собрать и установить состав. А вы себе о красоте нафантазировали. Пришли как школьник! Хо-хо!

– А вы-то зачем ходите? – удивился Иван.

– В рекламных целях! – отозвался Миша, глянув через плечо в окно фойе. – Вон, через дорогу, видите, роскошная вывеска – «Кофейная». Это наше предприятие. Вы зайдите, а я вам предложу чашечку кофе от заведения.

Иван поглядел в окно. Какая-то невзрачная вывеска и впрямь была.

– Я ещё вожу экскурсии, – с достоинством продолжил Миша. – Но этого вам не надо – вы сами с усами. А вообще тема – по желанию клиента. Кто заказывает экскурсию – тому гарантирована счастливая случайность.

– Тоже от заведения? – спросил Иван.

На этом они простились, и жаль было, что за весь прошлый год их знакомство так и не дошло до приятельства.

Придя в институт после летних каникул, Иван не увидел Миши и, соскучившись, сам зашёл к нему в кафе. Хозяин сидел за столиком, вытянув ноги в проход, и сигароподобно держал в зубах оранжевый маркер. Перед ним лежала разри-сованная карта Москвы.

– Не желаете экскурсию? – спросил Миша. – У нас новое меню! – и продекламировал список тем. Некоторые показались Ивану забавными.

– Пожалуй, что желаю, – сказал он, взяв кофе. – Надо только выбрать из вашего изобилия. В свою очередь могу предложить историко-литературный поход за грибами. У нас вокруг дачи – сплошные усадьбы. Фанатов можно заводить по дороге в музей.

– О... – разочарованно протянул Миша. – Я понимаю так, что вижу перед собой конкурента?

– Мой проект некоммерческий, – возразил Иван. Он хотел, было, расспросить Мишу о подробностях его экскурсионной деятельности – как возникло, что натолкнуло, но промолчал. И без подробностей ему всё было ясно с Мишей.

Хозяин тоже не продолжил беседы. Он включил на подвесном экране немое кино и углубился в его милое мельтешение.

Это был не первый случай в жизни Ивана, когда быстрое и точное понимание друг друга не давало развиваться дружбе. Оттого, – думал Иван, – что дружба, как и любовь, вырастает из тайны.

В октябре, памятуя об угрозе зимних депрессий, Иван стал запасаться. Купил специальную норвежскую лампу, призванную восполнить нехватку солнечных лучей – чтобы до света, часиков в семь, зажигать её вместо солнца. Нашёл в книжном хорошие ноты для гитары, а вот новых книг покупать не стал, решив, что вряд ли на свете есть что-нибудь более ветрозащитное, чем Карамзин, да Пушкин, да Гомер. Установить словарь и переводить вслед за Гнедичем – на ночь по странице!

Да ещё, с некоторых пор, на столе у него лежал старый учебник по языкознанию под редакцией Чемоданова, который приволок ему Костя. «Полетишь к маме в Вену – передашь заодно Бэлке!» – строжайше наказал он. Ответить на простой вопрос, зачем понадобился Бэлке древний Чемоданов, Костя не смог. Он рвал и метал, требовал, чтоб Иван сейчас же купил билет. Иван хотел уж выставить буяна, но прислушался и различил в Костиных воплях сиротство. Как ребёнок разведённых родителей старается слезами и хитростью засмолить течь, так и Костя подручными средствами гнал их с Бэлкой к воссоединению.

Разлад был нелеп – тут Иван не спорил. Давно забыта обида, всё возможно, ничто не препятствует. До конца Бэлкиного контракта всего-навсего – год. Светлый этот шлейф –

надежда на поправимость – тянулся, крепясь к середине груди. Там, если дёрнуть, становилось больно. Конечно, у Ивана были доводы: Может ли он позволить себе? А бабушка с дедушкой? А Оля с Максом? Хоть Бэлла Александровна и добрая девушка, устроит ли её в нагрузку к счастью такой обоз? Или, как все девушки, она потребует жертвы? Доводами этими он чикал по беззащитной снежной ткани, надеясь, что как-нибудь она отвалится, отсохнет от сердца. Но беззащитная ткань пристала крепко.

В Вену Иван не полетел, зато пролистнул учебник и оставил его на столе вместе с Карамзиным, Пушкиным и Гомером. Все эти беспрецедентные по надёжности вещи он намеревался читать зимой и, каждый раз, проходя мимо, радовался стопке, как поленице хороших дров.

Между прочим, и мёд у него имелся – на случай зимних бессонниц. Но на этот раз Иван изменил историческим лугам своей дачи и поехал за мёдом на ярмарку. «Башкирия», «Байкал», «Придонье» – читал он, вольно бродя по пустым рядам. Пробовал гречишный мёд со вкусом гречневой каши, липовый с ароматом цветущей липы, сонный пустырниковый, бодрый боярышниковый, и напробовался до того, что улыбка потекла по лицу. В розово-сером морозящем воздухе октября отзывался летний рассвет – вот встанет солнце, пар поднимется над лугами, загудят пчелы... или как там у них это бывает, на производстве мёда? Он уложил в пакет

липкие баночки и, уже уходя, подумал, что за свою жизнь ни разу не видел Башкирии, не видел Адыгеи, Байкала, Урала, Камчатки. Зато прошлым летом по внезапному вдохновению махнул за Ржев, где погиб его прадед, – и менял там, помнится, среди клеверных полей, колесо...

Вооруженный мёдом Иван вернулся домой к обеду и, выставив боеприпасы на полочку в кухонном буфете, понял, что теперь ничего не имеет против зимы: you are welcome!

«Ну ты забавный!» – умилилась его приготовлениям Оля, когда Иван позвал её с Максом дегустировать мёд. Иван и сам иногда, не то чтобы умилялся – ужасался, но всё равно подспудно был рад своей основательности. И был рад, что одну банку липкого янтаря Макс унёс с собой.

Обо всём этом, что радовало, Иван по телефону докладывал маме, надеясь вызвать в ней хотя бы самую лёгкую зависть, натолкнуть на мысли о возвращении.

К сожалению, несмотря на личные неурядицы, мама не спешила на родину. Она укрылась в Бадене, что близ Вены, в маленькой съёмной квартирке – поработать над переводами. Съехав от публицистики в женский роман, Ольга Николаевна всё же гордилась, что её русский текст выглядит изящнее немецкоязычных подлинников. И гордилась свежестью местного воздуха, приветливостью жителей и добротой зимы. Иван летал к ней, но не мог разделить упоения, поскольку

ку был патриотом русского климата.

– Ну, и как у вас осень? – снисходительно спрашивал он. – Чувствуется?

– Нет! – отвечала Ольга Николаевна. – Вовсе нет! Плюс двадцать три – никакой осени! Просто – пора урожая.

Нынешние мамины дела были печальны. И хотя главная мысль её судьбы – жизнелюбие – не давала ей отчаяться, приходилось признать: второй брак развалился, получить сколько-нибудь приличный контракт без помощи бывшего мужа не удалось, а значит, это была её последняя райская осень в Австрии.

С волнением она объясняла сыну, как всё более её творческий отдых перерастает во влюблённость. Влюблена! – жаловалась ему мама. – В холмы, в дом с палисадником, в острое молодое вино, в запах вод, в старушенций, заполонивших кофейни, и в их шляпки. Наконец, в соседа по подъезду – прелестного образованного австрийца! Помолодела, живу бабочкой, знаю, что всему конец.

Влюбиться в «прелестного австрийца» ей вовсе не казалось зазорным, как не зазорно любить природу – закат и виноградники. Главное, не требовать от человека большего, чем от виноградника или заката. Вот были последние достижения маминой мудрости.

Так ежевечерне они перезванивались и, простившись, оставались – каждый в своём октябре. Ольга Николаевна

шла куда-нибудь скоротать вечерок, а Иван выходил на балкон. После лета у него появилась привычка: побыть перед сном на ветру и, если повезёт, придумать две строчки – безо всяких претензий на поэзию, только чтобы прояснить ум.

Тёплое начало октября благоприятствовало подмосковным пожарам – белый дым занавесил небо и наклепленные по небу кварталы высоток. Хорошо был виден один только двор с просыпанной в него горсткой осени – кусты, лужица, мокрый песок, тополь. К югу гудело штормовое море Москвы. Этой дымной осенью Иван впервые пожелал себе новую, не городскую судьбу. Стоя на балконе, он раздумывал, как бы легко и вольно перемещался по полям и лесам, на ходу пожимая руку зиме, целуя – осени. Как жил бы с ними по-соседски, заходил в гости. Как научился бы понимать и ценить убывающий день и не нуждался бы в мёде. На что человеку мёд, если все цветочные корни у него под ногами! Так зачем брать ракушки с берега, если живёшь на море.

Но ещё не настали те времена. Внутренне утепляясь к зиме, «готовя сани», Иван занялся разбором домашней библиотеки. Это вышло нечаянно. Он искал для Кости Стругацких и увидел, что в книгах тесно и нет порядка. Японские трёхстишья омрачены с правого бока многословным Томасом Манном, Гончарова затуманил Кафка, а хрупкий Андерсен задавлен «Тысяча и одной ночью».

Исполненный сострадания, Иван взялся прочищать пол-

ки от ненужных томов. Он определял их просто – по ощущению в сердце. Если сердце гудело – книга отправлялась в картонную коробку, если радовалось – он, как птичку, нёс её в свою комнату, чтобы поселить поближе.

Книги в шкафу стояли теперь, заваливаясь друг на друга. Зато, какие они были друзья! Он и расставил их по дружбе. Особенно радовал Пушкин в кругу обожателей. Вообще-то, к Пушкину все тяготели, нелегко было выбрать самых достойных. Иван надумал было разбросать тома из собрания сочинений по полкам – чтоб было больше возможностей для молекулярных связей, но не осмелился разъять солнце.

Коробки же с «избытком» задвинул подальше до приезда мамы, чтобы она сама решила их судьбу.

Когда Костя залез в одну из них, взгляда на верхние обложки хватило ему, чтобы понять – его друг сошёл с ума. Вымести Сартра! Джойса! Набокова!!!

– Ну, нет, почему, не всё. Я «Дар» оставил, – возразил Иван.

– Ах, оставил? Ну, спасибо тебе! – негодовал Костя. – Ты вообще, здоров? Ты взгляни хотя бы со стороны на своё мракобесие!

– Почему мракобесие? – удивился Иван. – Мы ведь не зовём в дом людей, которые нам не симпатичны!

В гневе Костя прихватил с собой пару обиженных томов и умчал.

За прореженную библиотеку, за Бэлку с «Чемодановым»,

да и вообще – за полное неучастие Ивана в жизни планеты Костя презирал своего друга снаружи и боготворил внутренне. В конце концов, ему тоже хотелось однажды стать таким вот упрямым.

Иван, в свою очередь, понимал Костину маяту, многие силы и вынужденный досуг, от которого вянет характер. «Надо бы пристроить его куда-нибудь, – думал он, – хоть в наш институт. Кем?»

* * *

Как-то раз Иван спросил у Миши, не знает ли тот, как добыть «студенческий» для одного знакомого ребёнка, провалившегося на вступительных, – чтоб не шлялся по улицам, а посещал культурные мероприятия.

Миша взялся помочь.

– Но не даром... – сказал он задумчиво, уводя глаза в потолок. – Даром – нет... С Вас тыква без мякоти!

– Зачем Вам тыква? – удивился Иван.

– А мы на хэлоуин её поставим, – объяснил Миша. – Меня в прошлом году посетитель спрашивает: «А тыква где у вас?» Что я отвечаю?

И хотя Иван не нашёл ему тыквы, с октября Костя мог беспрепятственно посещать творческие вечера и мастер-классы, которыми славился их продвинутый вуз.

Никто не одобрил инициативы Ивана. «Лучше бы ты его на работу устроил, – сказала Оля. – Это ты у нас богоизбранный, а нормальным людям пахать приходится. Пусть призывал бы!» Бабушка вторила ей: «Глупо и безответственно! Ему готовиться к поступлению – а ты его куда послал? На гулянку!»

Иван подумал и согласился. Но раскаяния его были запоздалые. По добытому Мишей пропуску Костя проник в институт и прибил к несостоявшимся однокурсникам. Поискав, во что бы облечь свое аутсайдерство, он взял себе роль художника широкого профиля: писал девицам «в альбом», изрисовывал доски шаржами на сотоварищей и, достав на перемене губную гармошку, перепевал интонации преподав.

Жизнь пошла! Записная книжка его мобильного пополнилась новыми номерами, и вот уж Костя пил шампанское на осенних днях рождения, и чмокал, прощаясь, десяток девичьих щёк. Этот нежный женский обычай – прощания и встречи закреплять поцелуем, уступал, по его мнению, рукопожатию, но всё же был лучше, чем ничего, поскольку символизировал братство.

Костя словно бы очутился в эпицентре приветливости и забыл, что гуляет по институту зайцем. Но однажды произошло событие из рода штормов, разметавшее в ключья его уютное донжуанство и шутовство.

Как-то раз на перемене между парами Костю одолел музы-

кальный демон. Устроившись на подоконнике, на этой широкой, белой студенческой палубе, он наигрывал публике «Гаудеамус» и что-то жалобное из Бетховена. Костя играл горячо и грязно, уходил в импровизацию, законов которой не знал. Дерзость заменяла ему технику, слух – теорию. Поклонницы были довольны.

В разгар перфоманса и вторгся к нему, без спроса подсел на подоконник его условный однокурсник Женька.

– Я почитал, чего ты там девчонкам пишешь, – начал он дружелюбно. – Очень классно. Мне понравилось. У меня брат – Фолькер, слышал? Нам для сайтов нужны острые авторы.

Слышал ли Костя? Весь путь к институту был увешан рекламой этого ненормального парня. «Экология», «нет – наркотикам», «права животных», а так же «школа игры на гитаре» и «клуб любителей экстремальных видов спорта» – всё было собрано в кучу и букетом преподносилось ошалелому зрителю: записался ли он в добровольцы? Если нет – заходи на «www...».

Женька держался в масть брату и был заметен. Он носил кепки, каски, панамы, шапки и шапочки, водолазные и авиаторские очки, наручные, нашейные и поясные часы, компасы, и прочую дребедень. На время лекций Женька складывал доспехи в рюкзак и становился вежливым рассудительным мальчиком. Впрочем, и в очках, и в касках он тоже был вежлив и рассудителен. Авторитет его подкреплялся тем, что он

охотно подвозил сокурсников к метро на своём практически новом «харлее».

В тот день после занятий Женька отыскал Костю и без обиняков признался, что тот ему интересен, нравится, жаль только, парень валяет дурака вместо того, чтобы употребить таланты на дело. А что за дело? Так пойдём, покурим...

Через пару недель знакомства Костя знал историю Жени в подробностях. Женьке жилось не просто. В его семье разразился образцовый конфликт поколений. Отец был художником, трудился «для Бога», полезных знакомств не держал. Заработки искал в областях, удалённых от живописи. Мама работала детским врачом и проклинала свой труд. Профессиональный цинизм не дался ей – она плакала над каждым горем. Так они жили, растя «святых» детей – Фолькера (не Фолькера, конечно, а Пашку – свой «ник» он приобрёл позже) и родившегося четырнадцать лет спустя Женьку. Гром грянул, когда Пашка увлёкся онлайн-маркетингом. Домашние принципы пошли в корзину. Паша поймал удачу, и, держа её за лапы, взлетел быстро и высоко. Несколько лет он пробыл в США, скупая сайты для медиа-компаний, параллельно открывал магазины, покупал и перепродавал «бизнесы». Таинственный внутренний кризис затормозил его деятельность. Он оставил в Штатах большую часть активов и вернулся в Москву, к родным.

За десять лет успешного бизнеса состав его души претер-

пел изменения. Он вошёл в отчий дом чужаком. Его речь с грамматическими ошибками, с тупым, прямоугольным синтаксисом, подклеенная сленгом и матом, убила последние шансы на воссоединение. Отец выставил сына за дверь – пусть сперва вспомнит русский.

А Женя влюбился в брата! И хотя родители заклинали его не приближаться к адской пропасти Интернета, он всё же приблизился, наклонился, черпнул, нырнул, поплыл... Прошлым летом Фолькер позвал Женьку в своё новое дело.

Собственно, об этом и собирался Женя говорить с Костей, когда пригласил его покурить. Дело было удивительным и родилось не вдруг. После того, как отец выгнал сына из дома, что-то случилось с фундаментальными основами Фолькера. Размагнитилась магнитная ось. Мир накренился, но как-то странно, неправильно для человека, пропахшего долларами. Фолькер продал лодки – свою последнюю буржуйскую страсть, и дачку с причалом на Атлантическом океане. Взамен купил дачку с причалом на канале Москвы, и занялся освоением русскоязычных просторов Сети.

Задачей, которую он поставил себе, было выбить из подростков «попсу и равнодушие». Явный привкус утопии не смутил Фолькера. Он устремился к цели с тем же подвигающим горы упрямством, какое прежде помогло ему сколотить капитал.

Для осуществления задуманного Фолькеру требовались хитрые авторы, гениальные пройдохи, способные, не спуг-

нув, по капле закачивать в юные сердца свежую мысль.

– Почитай, чего мы там пишем, подумай, – заключил Женька. – Надумаешь – скажешь. Всё же и деньги какие-то, и, главное, опыт. Решай!

Лихая история взбаламутила Костю. Он начал изучать Женьку пристально. Целиком – от основ характера до побрякушек, которыми тот был обвешан. Всё это, и характер, и мелочёвка, пришлось ему по сердцу. Косте захотелось меняться, как в детстве. Выторговать себе любым способом Женькины авиаторские очки, а заодно – его ясный рассудок, социально ориентированную совесть и брата Фолькера.

Вскоре Женька пополнил список своих достоинств безупречным выбором подруги. Он выбрал Машу – единственную из девчонок на курсе, которая при встречах не чмокалась и, проявляя сногшибательную независимость от жизни курса, вязала на переменах шарф. Маша была красавица, но без подиумных наклонностей. Любопытные вишнёвые её глаза и чёлка отсылали к советским фильмам. К тому же, Маша оказалась кем-то вроде сироты и по-сказочному жила у бабушки.

«Как я прошляпил!» – щедро одобрил Женин выбор Костя.

Теперь втроём они частенько отпраплялись на канал. Там стоял дом брата, где временно обитал Женя, и качался на пристани катер. Катер – прощальная игрушка Фолькера –

был тем хорош, что на нём можно было слушать музыку без ограничения громкости, пить, спать и вообще жить, наконец – выходить в открытую реку. К тому же, его палуба стала сценой, на которой Костя выстоял свои первые чтения.

Все стихи и прозу, сценарии и сюжеты будущих трансжанровых эпопей, какие накопились у Кости в «этюдне», Женя скоро знал наизусть и всерьёз намеревался заняться их продвижением. От такой постановки вопроса Костя пьянел. Он стоял перед Женей с развёрстой грудью: благодарная кровь текла по голым артериям, стучало не защищённое рёбрами сердце.

Об этой вдруг навалившейся удаче, о новых скоростях и перспективах он однажды зашёл рассказать Ивану.

– Я пока что владею собой, но вихрь уже зародился! – докладывал Костя, смеясь от предвкушения, от тепла и озноба, бегущего по душе.

Иван привык, что Костя ощущает свою судьбу как череду вихрей, событийных дуг. Они бывали сокрушительны, эти энергетические ураганчики. К счастью, Иван не мог припомнить, чтобы какой-нибудь из них продержался более полугода.

«Глупый ребенок, – думал он, – опять попался на сахар!»

Вслух Иван высказал предположение, что Костиным социально ангажированным друзьям, вероятно, захочется от него поэм об экологии и формировании гражданского созна-

ния.

– А экология – это плохо? – спросил Костя с вызовом. – А хорошо – что? У окошечка посиживать? Ты Бэлке когда обещал отвезти «Чемоданова»?

«Давным-давно, – подумал Иван. – Давным-давно». Эта пара слов ещё покачалась в его уме и затихла.

– И потом, ты пойми! – горячился Костя. – Там же можно зарабатывать деньги! Если сайт крутой – там, знаешь, сколько рекламы, сколько ссылок всяких!

– Реклама – да. Но ты-то тут причём? – заметил Иван. – У тебя же нет брата, занятого интернет-подвижничеством.

– Брата нет, – согласился Костя. – Но у меня есть шанс. Ты же знаешь – в чём-то я гений. Вопрос – в чём? Помнишь, Холмс говорил – когда артистизм в крови, он может принять самые неожиданные формы! Я так решил – прибьюсь к ним, что-нибудь да выйдет! И ты давай, не тормози прогресс человечества! Совсем отбился от жизни со своими бабушками!

Эту наглость, настеленную на хрупкость, Иван принял с печалью. Он чувствовал, что должен соблюдать золотую грань – не соглашаться, но и не спорить.

– Конечно, я пока никто, – продолжал Костя. – Но я ведь могу принюхаться! Надо принюхаться ко времени и работать безжалостно, выжимать себя буквально до дыр!

– А по-моему, чтобы принюхаться, это надо как раз наоборот – отключить компьютер и дать себе волю, – возразил Иван и, встав, открыл форточку. За стеклом был холодный,

пахнувший химией день с дымкой. «Всё-таки хочется посмотреть на осень вблизи, узнать её на собственной шкуре, – думал он. – Хочется в ней пожить. Утеплим с дедушкой дом – переедем совсем на дачу...»

И вдруг на фоне общей грусти ему стало отрадно, что он не отдал Мише тыкву за Костин пропуск. За такую медвежью услугу еще и платить!

Этой осенью Костя забегал к нему часто. «Всё тебе расскажу! – обещал он. – Налей только мне чего-нибудь!»

Иван ставил чайник и садился слушать. Кофе и чай Костя теперь заглывал залпом, не замечая кипятка, не чувствуя вкуса – настолько увлекало его содержание собственной речи. Его руки не то чтобы дрожали, но были резки, так что пепел пролетал мимо пепельницы. Он курил, как дышал, и всегда у Ивана был для него в запасе блок наилегчайших сигарет. «Хватит издеваться! Я не курю такую дрянь!» – возмущался Костя, но по причинам финансового характера пренебречь дарёным конём не мог.

В эти дни Костя, наконец, сформулировал свою «творческую цель». Он собирался максимально расширить круг общения, знать всё, бывать везде – чтобы из его опыта всплывали тексты, способные разжечь даже самые отсыревшие мозги. Всё, что теперь сочинял Костя, предназначалось для сайтов Фолькера. «Наша задача, – провозглашал он, – лупить и будить подростка! Я должен писать так, чтоб идея нерав-

нодушая перестала быть занудной! Чтоб она шкуру подпалавала! Понимаешь – сжечь потребительскую коросту, как старую траву, пусть нормальная, здоровая зелень пойдёт по земле!»

Костин замах огорчал Ивана. Он давно уже не ценил дерзаний. Взамен он пожелал бы Косте маленького, детского творчества, такого, которое не тешит гордость и не влечёт к совершенству. Иван был уверен, что маленькое творчество благословил Бог, тогда как вокруг большого вспыхивают сражения разнонаправленных сил. Нет, он был категорически против, чтобы ребёнок отправлялся на передовую!

Однажды, на всполохе трезвости, Костя сам сказал ему:

– И всё-таки, если я буду слетать с катушек, ты присмотри за мной! Я уж слишком юн и талантлив – такое не каждый выдержит!

– Хорошо, – обещал Иван, – я буду присматривать. Какие у меня полномочия? Бить тебя можно?

Самым трудным в исполнении Костиной просьбы было то, что Иван не знал, когда в следующий раз явится к нему его трудный подросток – завтра или через пару недель, или вообще сгинет. Таким вот было его весёлое «отцовство».

Середина октября была дымной – горели торфяники. Пахло большим костром. Тысячи подмосковных деревьев сошлись в нём. Проснувшись утром, Иван выглядывал на балкон, в густо-белый воздух, и не находил города. Сознание кренилось, но душистая герань, изгиб плюща, совершенный, как музыка Первой Венской школы, и листва домашних лимонов выручали его разум из дыма.

В дыму антициклона мелькнул его двадцать девятый день рождения. Он купил себе в подарок очиститель воздуха с угольным фильтром и отнёс к бабушке с дедушкой. Позвонили мама, отец, пара родственников и знакомых. Костя не позвонил. Зато пришли Оля с Максом и подарили приличных размеров кактус. Иван был счастлив. «Никаких желаний... – растерянно думал он. – К чему стремиться? Всё есть!»

Такое удивительное положение дел его смутило. Он искал: чем ещё заняться ему на Земле, чего себе пожелать? Разве что, правда, слетать в Австрию, Бэлке отдать «Чемоданова»?

В этот день, строго обыскав свою чистую совесть, Иван осознал, что жизни, как таковой, у него и нет. Нет динамики, тем более, сюжета, над развитием которого можно было бы поразмыслить. А весь внутренний конфликт сводится к од-

ному вопросу: порядочно ли вот так просидеть отпущенный век у камелька?

Не то чтобы он загрустил от этих мыслей, но как-то растерялся. И потому был рад на следующий день встретить у института Костю – верного источника конфликтов. Вдвоём с товарищем он стоял чуть поодаль студенческой толпы, и они беседовали под сигарету.

– Вот послушай-ка! – крикнул Костя, завидев Ивана и, не здороваясь, как будто только расстались, подтащил его к своему другу. – У нас спор! Допустим, человечество перебесилось! Взялось за ум, обезвредило боеголовки, научилось кормить себя досыта. Что дальше? Куда обратит человек свою творческую энергию? Останутся ли искусства?

Иван слушал, не вникая, но с улыбкой. Ему было приятно, что так весело, с лёту, взяли его в оборот. И приятно было переводить взгляд с бурлящего Кости на его молчаливого друга. Это был Женя, конечно. Точно такой, как описывал Костя – броско одетый, единственный в своём роде. Одно удивило Ивана: лицо Жени было серьёзно и грустно. На фоне такого лица связанная грубой вязкой бейсболка-хаки и несколько пёстрых рубашек, надетых одна на другую, утрачивали свой смысл.

– А! Да это вот Женька! – спохватился Костя и, ладонью прихлопнув Женину кепку, сдвинул её на затылок, чтобы Ивану было лучше видно героя.

Они пожали друг другу руки.

– Мне о вас Костя рассказывал! – улыбнулся Женя.

Старинная вежливость и простота Жениного тона удивила Ивана, но ответить он не успел.

– А вон там, видишь, в жёлтом пальтишке – Машка! – дернул его Костя и кивнул на группу девчонок. – Раз ты здесь – давай уже со всеми тебя перезнакомлю! – Ма-ша! Машк! – гаркнул он и, метнувшись к соседней компании, приволок за руку девочку, черноглазую, с чёлкой, милую, как давняя фотография. Вид её, правда, был вполне себе дерзкий. Через плечо на широком узорном ремне висела вязаная котомка с тетрадками. Какая-то не нынешняя, отважная Маша-санитарка из кино про войну.

Иван заметил: как чудесно смотрит на неё Женя – с терпением, без огня. Как будто на много лет вперёд зарядил свой любящий взгляд и расходовал бережно.

– Сейчас я его тебе представлю, как следует! – вопил тем временем Костя. – Иван, ты кто у нас будешь? Мой друг? Это правда. Но не всё же мерить мной! Кто ты сам по себе? Музыкант? Не слишком, хотя и можешь что-нибудь забачать. Поэт? Несомненно. Ты поэт. Не пишущий. Маша, вот мой друг, поэт, владелец практически собственного бизнеса, прекрасный сын, внук и товарищ!

Маша оглядела его с любопытством (И эта туда же! И этой «вихря» надо! – догадался Иван), вывернула запястье из Костиных пальцев и, ни слова не говоря, ушла. Что до Кости

– Ивану хотелось умыться его чем-нибудь. Просто за шиворот бы ему насыпать снегу! Но снега не было, и он простил.

– Так вот! – продолжил Костя свой прерванный монолог. – Допустим, порядок в детской наведён! Нефть кончилась, войны отыграны, добрые роботы насадили леса. Человек сыт, здоров и практически вечен. Как ему выжить в благополучии? Я считаю – человечество первым делом постарается себя тотально проантидепрессировать! Жизнь без хандры как залог благоденствия. Читайте фантастику! И тогда все наши с вами плоды страданий – поэзия, музыка – умрут вместе с тоской. Их нишу займут бестрепетные занятия – домашняя генетика, например. Человек будет сидеть дома и конструировать какое-нибудь растение или насекомое. Наборы для творчества – в любом супермаркете, и там ещё на коробочках картинка – что должно получиться. «Лего» как прообраз искусства будущего!

– Ерунду говоришь, – спокойно возразил Женя. – Даже если с детского сада глушить в человеке тоску по раю – всё равно кого-нибудь да прорвёт. И будет новая эпоха возрождения, и музы, и тоска. Опять же – читайте фантастику.

– Погодите! – удивился Иван. – Вы что, это всё всерьёз?

– Женьк! Расскажи ему про скалы! – крикнул Костя.

– Про скалы? – с сомнением переспросил Женя, и вдруг решительно обернулся к Ивану. – Мой брат Пашка, ну, то есть, Фолькер! Он однажды поспорил со своим компаньоном – настанет ли в истории человечества день, когда никто не

будет любить Бетховена? И у них в связи с этим была дуэль на скалах!

Иван представил себе двух мультяшных исполинов, швыряющихся друг в друга горами, и улыбнулся.

– Ничего смешного! – крикнул Костя. – Это старинная шотландская дуэль! Два человека лезут на скалу, кто сорвётся – тот проиграл. Они специально на Кавказ летали!

– Фолькер в юности хотел быть альпинистом-спасателем, – объяснил Женя. – Жил в альплагерях. Кстати, этот «ник» у него с тех самых пор. Он там вытащил одного немецкого экстремала буквально из пропасти. И тот подарил ему своё имя. Так и сказал: мол, дарю на удачу! Вам это, может, странно...

– Да нет, – улыбнулся Иван. – Хорошо. Мне нравится.

– Ну и вот, – продолжал Женя. – А потом его прошибло осознание, что быть альпинистом – это далеко от реальности.

– Женя, а ты кем хотел быть? – вдруг спросил Иван. – Пока тебя не «прошибло осознание»?

– Я хотел, как мама, врачом, – невозмутимо отозвался Женя. – Но мы с Пашкой взвесили и поняли, что это будет не максимальное применение. Я смогу стартовать быстрее и сделать больше, если стану журналистом.

– Теперь понятно, – кивнул Иван.

Женя хотел ещё что-то сказать, но тут в кармане у него запел мобильный. Он взглянул на номер и отступил на пару шагов, поговорить.

– Ну как? – зашептал Костя. – Понял, что за люди! Это тебе не с бабушкой чай распивать!

Порыв ветра качнул деревья у института, срывая высохшую, бумажную как будто листву.

– Ничего себе задувает! – сказал Иван, взглядывая на мутное небо. В нём не было пока что ни облачка – только горькое молоко дыма. – Наверно, будет циклон. Прибьёт эту муть к земле.

– Да оставь ты свои циклоны! – шёпотом завопил Костя. – Тебя с людьми знакомят, которые, может, целое поколение вытянут из пустоты, а ты насмехаешься!

– Я не насмехаюсь, – сказал Иван. – Я ничего этого не понимаю, Костя. Ни дуэлей на скалах, ни «максимального применения»... – Он посмотрел на Костю, потом на Женю, прижавшего к уху трубку, на группки ребят в вихрах сигаретного дыма. Не то чтобы старым показался он себе среди них, но как будто вне возраста – вне молодости, вне зрелости.

И снова утешительно ему подумалось о приблизившейся непогоде, а там – и о скорой зиме. Как красиво она ляжет на улицы! Но главное, зимой вернётся мама. Старомосковским шагом пройдутся они по белым рекам тротуаров. Жалко, в Москве редко встретишь теперь «белую реку», разве на этой вот улице, слишком старой и хрупкой, чтобы чистить её машинами или доверять гастарбайтерам. Её чистит русский ленивый дворник...

Иван взглянул на вернувшегося Женю, и его мечта обо-

рвалась.

– Никто не хочет поработать в Германии? – произнёс тот озабоченно. – Срочно нужен человек в распределитель для беженцев. Там проживают семьи, желающие получить немецкое гражданство, – объяснил он. – Среди них россияне с Кавказа.

– Что же, они у себя не могут найти сотрудника? – удивился Иван. Но Женя не успел ответить, потому что Костя перебил его воплями, яростно рекомендуя на должность себя.

«Нет, все-таки, поскорее бы зиму», – подумал Иван. Ему захотелось проститься.

– Как вы относитесь к велосипеду? – спросил он у Жени. – По бережку, по горкам?

– Относится, относится! – крикнул за Женю Костя. – У них два горных велика классных! А у Фолькера вообще дельтаплан! Дельтаплан – это вам не велик! Правда, тут, конечно, вопрос – откуда планировать и куда?

– Приезжайте к нам на канал с велосипедами, – протянув Жене руку, сказал Иван. – У нас там такие горки прекрасные – костей не соберешь! Я всех зову – никто не едет.

– Да я знаю. Мы же с вами по реке почти соседи! – отозвался Женя. – Вы извините меня, что я вас тут грузил, – и он сердечно пожал Ивану руку.

Добравшись до дома, Иван действительно вывез из гаража свой велик, потому что не знал, как иначе избыть эмоцию

встречи.

День был сухой и дымный, листья хрустели. Их хотелось погладить, поворошить, как собачью шкуру. Иван за то и любил свой велосипед, что он соединял его с прибрежными лесочками, со всей природой и погодой ближнего Подмосковья.

Намотавшись по горкам, он съехал на подмерзающий пляж, сел на корточки и опустил в воду руку. В медленном, словно загустевшем шевелении волны ему послышалась зима. Когда рука замёрзла, Иван поднялся, бесчувственной ладонью сжал руль и покатил домой.

«Везёт же мне – велик, речка! – тихо торжествовал он. – Никакой интернет-ответственности! Спасибо, Господи, что не вводишь во искушение, но избавляешь...»

И всё-таки, катя себе по дорожке домой, он чувствовал в сердце осадок встречи. Тревожный песочек на дне. Как если бы и Женя этот, и легендарный Фолькер, занятый спасением душ из виртуальных бездн мегаполиса, были розыгрышем. Зачем-то прикинулись ребята. А на самом деле они нормальные дети, пьют, снимают квартиру на четверых, в наушниках у них долбит какая-нибудь ерунда и на всё им плевать, на что только можно плюнуть.

Вечером Ивану позвонил Костя и сообщил: они с Машей и Женей ждут его у Нескучного сада, чтобы вместе ехать в клуб. Там Фолькер сегодня ночью проводит мероприятие в

поддержку своего проекта.

– Давай! Хоть посмотришь! – настойчиво звал Костя. – Ну, действительно, хоть будешь знать!

– Костя, я не хочу, – сказал Иван.

– Что значит, не хочешь? Боишься на жизнь напороться? – набросился Костя.

– Не боюсь. Просто – не хочу, – сказал Иван и, дослушав Костины вопли, повесил трубку.

* * *

Утренний ветер не подвёл. В эту ночь к ним в город вошла осень. Иван физически ощутил её вторжение в дом, во все помещения и предметы. Его пробрал озноб. Он ясно понял: можно любить природу в осеннюю пору – оголяющиеся деревья, стынущие реки, пожухший луг, но не саму Осень. Осень враждебна жизни. Ей можно и должно противостоять душевным теплом и личной волей к весне.

«Завтра с бабушкой заварим мяту. Уже пора», – решил Иван и, укрыв себя мыслью о летнем чае, заснул спокойно.

Вхождение осени не было его фантазией. Под утро наплыли тучи. Посыпал дождик и прибил дым к земле. Воздух пропах мокрой сажей, и Ивану сделалось жаль душистого октября своего детства – какого уже много лет не удавалось вдохнуть.

В институт он почти не заходил, и ребят не встречал. Только однажды забежал по звонку научного руководителя – тому потребовалось что-то срочно перевести с немецкого, – и в гардеробе на крючках увидел жёлтое Машино пальтецо.

Костя не звонил. То ли обиделся, а может быть, это «вихрь» так плотно держал его в своей воронке, что даже на миг вырваться, поведать старого друга, не удавалось.

Какое-то время Иван надеялся на скорое возвращение мамы, но она не спешила. И вышло, Иван остался один-одинёшенек в компании своих стариков.

Чтобы как-то противостоять осенней дрёме, он собрался подольше бывать в офисе, задумал проект расширения, и даже обсудил его начерно с коммерческим директором. Но вдруг стало стыдно и скучно.

Тогда, не позволяя себе расходиться, смилив и скуку, и стыд, Иван принялся осваивать гитару. Он открывал ноты на какой-нибудь простенькой фуге Баха, и, уйдя в игру, ощущал, как движение пальцев по струнам успокаивает внутренние веса.

С той же терапевтической целью он взялся за приготовленные заранее книги и начал с Карамзина. Карамзин был читан им когда-то, но весь просыпался через решето памяти. Иван брал с полки один из томов и читал с любого места. Правда, уже минут через десять откладывал и шёл посмотреть в окно.

«Скоро совсем в руки книги не возьму», – догадывался

он, но перспектива разучиться читать его не пугала. Вероятно, тогда ещё больше его заинтересует улица, берег Клязьмы, разнообразие погод. Уж погода-то в непрочном мире будет всегда! Вот возьмёт он велосипед и по всяческой милой погоде помчится. Где тут скука?

Две недели сыпал дождь, муча бабушкины и дедушкины суставы, а однажды повалил снег, сбил и заморозил листья. В окно Иван видел свою, как туман застоявшуюся по дворовым рощам жизнь: из гаражей выезжали машины, среди них Олина, гружёная сонным Максом; расходились по остановкам пешеходы.

А бывало, усилием взгляда он переставал различать подробности улицы, и брал общий план. Настолько общий, что ему становилось видно, как голубая атмосфера умиротворяет горячий ком Земли. Тут мысль о Фолькере, об этой тревожащей душу жизненной альтернативе вылезала на свет, и приходилось бежать от неё под крыло Карамзина и гитары.

«Как же растормошиться?» – гадал Иван, и уже стал подумывать, не сменить ли ему к зиме велосипед на сноуборд? Но тут, как спасение, в Москву с небес свалился Андрюха – его самый старинный друг.

Стартовав от песочницы, они почти четверть века двигались рядышком. Их соединяла привязанность детства и лирический взгляд на жизнь. Но детство далеко, а лирика

– нестойкий аромат. Однажды Андрей разослал своё резюме по европейским конторам. Он работал в сфере рекламы, обладал бесценным даром «свежего восприятия», к тому же был человек общительный и подвижный. Для начала его пригласили в Варшаву, затем он штурмовал Копенгаген и оттуда перелетел в Париж. Как он сам признавался в нечестных звонках, жилось ему пусто и суетно.

«Так что ж ты сидишь там!» – досадовал Иван и гадал о причинах невозвращения: всерьёз ли увлекла его работа? Или затянули любовные приключения? А может, просто климат там веселее? Иван спрашивал своего друга напрямую, но никак не мог отфильтровать из его болтовни весомое. Наконец, скорбное осознание пришло: он разучился дружбе с Андреем.

Заграница ближайших людей обступила Ивана, как вражеский флот, но он был ещё тот «варяг». «Фигушки, сами вы вернётесь...» – ворчал он и никуда не собирался, не покупал билетов, не листал путеводителей. Какое-то осеннее упрямство, солидарность с дождём, охватывали его, он чувствовал, что его дела – дома.

Андрей прилетел в среду, на короткую деловую встречу, и следующим днём возвращался в Париж. Встретиться они не успевали, зато Иван был первым, кому Андрей позвонил, приземлившись на московскую землю.

– Мне нужны твои паспортные данные! – потребовал он.

– Это еще зачем? – насторожился Иван.

– Билет тебе хочу забронировать – вот зачем! Завтра со мной полетишь! У тебя Шенген на год – мне Ольга Николаевна сказала. Так что не отвертись!

«А что ещё остается делать? – оправдывался Андрей, пока его друг справлялся со стрессом. – Другого выхода нет! Приходится хватать Ивана за шиворот и заталкивать в самолёт, потому что самостоятельно, без рукоприкладства, тот в столицу Франции, конечно, не переместится!»

Отчасти признав правоту Андрея, Иван обдумал положение дел: бабушка с дедушкой находились в полосе хрупкой стабильности. Надо надеяться, за три дня с ними ничего не случится. «К тому же, – подумал он, – из Парижа одним днём можно будет смотаться в Вену, Бэлке отдать “Чемоданова”». И пошёл искать паспорт.

* * *

Андрей подждал друга у входа в аэропорт. Иван издали улыбнулся его светло-русые волосы, кирпичной кофте и прелестному дорожному саквою из жёлтой кожи.

Но улыбка оказалась преждевременной. Они не виделись год, и вскоре Иван со смущением и скорбью признал: Андрей изменился. Черты обострились, с них словно сошёл русский сон. Лицо стало тоньше, взгляд внимательней. Большая мера

детства, отпущенная ему, наконец, пошла на убыль. К тому же Иван заметил в Андрее некий дружеский автоматизм – улыбку, кивок.

С такой вот, чуть отстранённой, приветливой миной тот повёл его сквозь кордоны аэропорта.

В самолёте сесть рядом им не удалось – Андрей летел бизнес-классом. Войдя в салон, они со смехом простились. Когда взлёт был завершён, Иван отправился проведать друга, но тот спал. За годы командировок Андрей научился красиво и крепко спать в самолёте. Милая девушка из соседнего ряда разглядывала его профиль.

Со сдавленным сердцем, угнетённый чужиной, заступившей на место дружбы, Иван весь полёт проглядел на облака. И вот уже аэропорт де Голля принимал их в своё великое разнолюдие.

В такси он передохнул – вежливое движение транспорта смягчило впечатление сутолоки, и, может быть, понемногу Иван пригляделся бы к городу, различил бы его ветреную походку и нрав. Но тут Андрей совершил роковую ошибку. «А поехали на бульвары!» – предложил он.

Парижский центр ошеломил Ивана грандиозной массовой и обилием спецэффектов. Он словно попал в дорогой голливудский фильм. Смерч света, не люди – народы текут по тротуарам, и всё до нитки продано разномастной толпе.

– Андрюх, давай лучше куда-нибудь сядем, – попросил он.

– Как скажешь! – легко согласился тот, и уже через минуту

желание Ивана исполнилось.

Чернокожий официант выдвинул столик, и они смогли занять своё место. Зал был забит, но, несмотря на тесноту и обилие ухоженных лиц, будто окурен холодом.

– Довольно-таки привокзально, – заметил Иван. – И холодно. И ничем не пахнет. Просто на пустоту спроецировали картинку. Как ты тут живёшь? Тут ведь и укорениться негде... – он оглядел чужую планету и неожиданно заявил, что будет пить водку.

Андрей не высказал сочувствия его патриотизму. На чистейшем, без акцента, французском он велел принести обоем вина.

– В радости нужно пить вино, и только здешнее, – доверительно объяснил он Ивану. – От него не пьянеешь. Просто тепло. Просто в нашу человеческую кровь примешивается добрая кровь винограда.

Андрей знал о винах всё и надеялся, что однажды судьба сказочным жестом приобщит его к этому жизнелюбивому бизнесу. А пока чуда не произошло, находил удовольствие в том, что есть.

В последний год он отошёл от творческой составляющей своего дела и всё больше проникал в бизнес, узнавал коллег и соперников, вращался... Андрей и вообще стал заметно свободнее, мыслил позитивно, не заикливался на промахах.

– Плохо, Андрюха, что ты так здорово приспособился к этому гибнущему миру, – сказал Иван, за многоголосьем не

замечая издержек стиля.

– Ну а почему гибнущему? – удивился Андрей. – Что тебя так страшит? Повышенный интернационализм? А почему бы Европе не стать мусульманской? Почему бы белому человеку не стать чёрным? Смотри, был первобытно-общинный строй, стал рабовладельческий. Рим вознёсся и пал. Язычников переплавили в христиан. Индейцев истребили. Знаешь, сколько биологических видов каждый день погибает и сколько появляется новых? Это нормально.

– Ваш Париж засыпало, – упрямествовал Иван. – Его потом нужно будет откапывать, как Трою. А это всё – румяна на руинах. Граффити на руинах – вот что это. Тут очень плохо. Тут плоско, холодно. Пошли-ка отсюда! Чёрт, и не выйдешь... Куда не плюнь – везде Париж... – сказал он, оборачиваясь и через головы вездесущих японских туристов поглядывая в окно.

– А ты всё хочешь на Бейкер-Стрит, к миссис Хадсон? – посмеялся Андрей. – Вот такая тебе Европа нужна, да? Тебя, мой друг, подвёл советский кинематограф!

Допив вино, они вышли на вечерний бульвар. У Андрея на ночь была заготовлена обширная программа. Ещё из аэропорта он звонил друзьям и обещал быть с московским гостем – там-то и там-то, а после полуночи – где-то ещё. Иван понимал: надо поучаствовать если не из любопытства, то хотя бы из вежливости. Но отчего-то ему не хотелось быть вежливым с Андрюхой. Ему хотелось быть с ним честным. «Я не хочу, –

сказал он. – Пошли домой. Просто посидим, поговорим».

– Ты оцениваешь город не включая сердца, – дорогой пенял ему Андрей, раздосадованный полумкой планов. – Тебе тут грязно! Тебе тут плоско! А ведь здесь есть влюблённые, есть маленькие дети, дружба, и всё это наложено на гигантский культурный пласт – извини, если тебе не заметно! Ты просто видишь рекламную наклейку и принимаешь её за суть. Тут даже спорить не о чем! Вот пошёл бы – я бы тебя познакомил с нормальными людьми, открытыми, творческими и без этого вашего московского пафоса – кто круче. Если честно, я вообще не понимаю, чем вызван твой шок. У вас в центре всё то же, только больше хамства.

– Да, – согласился Иван. – Но с нашей Тверской хотя бы можно быстро добраться до дому.

– Так а мы что делаем? – возмутился Андрей, впрочем, тут же вернул себе бодрость духа. – Ладно, – толкнул он Ивана в плечо, – домой – так домой!

Андрей снимал квартиру в старом доме со скрипучим лифтом. От его деревянных стен пахло кофе и сухофруктами. К тому же, кабина была малогабаритна – в такой не поместится офисная толпа. «А вот лифт у вас хороший. Мне нравится!» – оценил Иван.

В квартире у Андрея было чисто и не по-домашнему. Иван зашёл туда, как в отель. Ему досталась комната с балконом, и сразу Андрюха притащил «в номер» бутылку вина,

бокалы и ноутбук.

Он собирался в подробностях и с иллюстрациями открыть Ивану свою жизнь – это сверкающее чудовище без единого угла тишины.

Вина Иван не коснулся, а вот фотографии в компьютере его увлекли. На них были запечатлены мероприятия, в которых участвовал его друг – рабочие поездки, презентации, пикники, вечеринки, путешествия.

Объектами съёмки являлись, соответственно, города, небоскрёбы, конференц-залы, лавандовые поля, моря и пустыни, машины, велосипеды, парусники, фуникулёры, и главное, друзья – люди, рядом с которыми Андрей казался так же добр и открыт, как некогда с Иваном на дачной поляне их детства.

Среди снимков попадались целые портретные серии. «Видишь, как я поднаторел! Я фотограф уже почти!» – хвастал Андрей и подолгу держал каждый кадр, давая Ивану возможность взглядеться в лица.

– А девушки, это что, всё твои невесты? – любопытствовал Иван.

– Некоторые мои, – признал Андрей. – А некоторые – не мои.

– А старики чьи?

– Старики, в основном, ничьи. Просто местные. Этот из Марокко – торговец мятой! Он нам чай заваривал, прямо на возу.

О каждом герое у Андрея наготове была история. Он охотно рассказывал – кто и откуда, чем живёт, как познакомились.

Вскоре Иван почувствовал: горечь за приспособившегося друга уходит. Андрияха оказался молодец и во многом человечески его превзошёл. Лучше знал людей, меньше требовал от них. Какая-то новая доброта появилась в нём. Он говорил о своих приятелях и приятельницах, как о сиротах, о неустроенных детях, с которыми ему довелось делить дорогу и хлеб.

На одной из фотографий Иван застрял: там мальчишка вроде Кости стоял на валуне и смотрел на стену гигантского водопада, в его пронизанный радугой солнечно-синий дым.

Отчего-то ему подумалось, что и Андрей, и Костя со своей новой компанией, и может быть даже институтские культурологи – все имеют право видеть этот небывалый водопад, потому что они – молодцы, они работают и движут корабль цивилизации, стирают границы и давно уже образовали единый прогрессивный Народ. Тогда как ему, Ивану, водопад не полагается. Он не прогрессивен. Он, скорее уж, сродни торговцу мятой, что сидит целый день под сухим небом родины. В чём его доблесть? Разве только в том, что верен своей мяте, ослу и повозке...

– Это в Аргентине, – прокомментировал снимок Андрей, и вдруг, увидев полный бокал Ивана, возмущился, – стоп! Ты почему не пьёшь? Ну-ка, пей давай! Ты знаешь, на кого по-

хож? На холодильник! Ничего тёплого тебе нельзя доверить!

Иван взял бокал из его рук, как кружку молока, и с неожиданной покорностью выпил.

И раскачалась, пошла понемногу беседа.

– Ты понимаешь, – с удивлением произнёс Иван, – я только что догадался: оказывается, все в море! Я один на берегу.

– Ну так заходи! Ложись на волну! – смеялся Андрей. – Существует скорость потока. Нужно совпасть с ней, и тогда будет легко.

– Чтобы двигаться со скоростью потока, я должен понимать, куда меня этот поток несёт, и почему мне туда надо, – возражал Иван. – Андрюх, вот ты знаешь, куда тебе надо? Или хотя бы, чего ты хочешь?

– Конечно! – отвечал Андрей. – Я хочу быть здоровым, богатым, жить в счастливом месте и всячески утолять жажду общения с себе подобными. Хочу, разумеется, быть полезным, чувствовать командный дух...

Он замолк, поглядев на Ивана, и вдруг возмутился:

– Да что вообще происходит? Стоишь передо мной, как совесть! Что не так, можешь ты объяснить?

– Да всё не так! – сказал Иван от чистого сердца. – Первое – это что ты здесь. Второе – что ты не бываешь сам с собой, а всё время с кем-то. Вы шикарно запудрили себе мозги! Все со всеми дружат! Все со всеми сотрудничают! Здравсьте, я воздушный шарик, прилетел из Дании! Здравсьте, я воздушный шарик, прилетел из России! Но я-то знаю тебя, ты не

шарик! Я помню о тебе другое!

После вина Иван произносил свои слова горячо и с удовольствием. Ему казалось, он разрубает асфальт. Еще немного – и в разломах проглянет травка.

Андрей растерялся. Он помолчал, а потом сказал:

– Ну и, слава Богу. Хоть кто-то обо мне помнит другое!

Вздыхнув, он принялся закрывать «окна» на экране компьютера. Из балконной двери пахло тёплой осенней улицей. Внизу, среди гулких стен, кто-то смеялся рассыпчатым смехом. Вдруг Андрей оставил «мышку» и взглянул на Ивана.

– А между прочим, – произнёс он напряженным голосом, – я ведь давно хотел тебе рассказать! Мы были во Франкфурте на ярмарке, и мне там попался роскошно изданный Жюль Верн. Вот я держу этого Жюль Верна, листаю картиночки, и вдруг понимаю, чего я всю жизнь хотел! Я всю жизнь, всё детство хотел, чтобы мы отправились куда-нибудь на поиски капитана Гранта. Я бы спас тебя от индейцев, ты бы вытащил меня из пропасти. И пусть там ещё будут прекрасные женщины, на которых мы женимся после победы! Понимаешь, – прибавил он, – всё, что было после детства, оказалось полной ерундой – ничего настоящего. Вот так! – и Андрей захлопнул ноутбук.

Иван был сражён. «Ничего себе!» – подумал он с удивлением и немедленно поднял тост.

– Так значит, всё не так плохо! – сказал он, ощущая прилив самой искренней радости. – В связи с этим хочу тебе

пожелать, чтобы мы отправились на поиски и ты спас меня от индейцев, и чтобы там ещё были прекрасные женщины, на которых ты женишься, когда я вытащу тебя из пропасти! Пусть это начнёт сбываться с завтрашнего дня!

– Спасибо, Д Артаньян! Но с завтрашнего вряд ли, – возразил Андрей. – А вот послезавтра мы летим на Гозо. У партнёров презентация. Вот тогда и пускай.

– Отлично! С послезавтрашнего! – принял поправку Иван. – А Гозо – это где? – И, не дожидаясь ответа, залпом выпил за счастье друга.

В половине третьего, выйдя на балкон разогнать винный дым, Иван увидел узкую улицу и синий луч с Эйфелевой башни, гуляющий по небу, как военный прожектор. В квартире напротив горел ночной свет, похожий на свет свечи. Иван различил уютную гостиную, кабинет, гардеробную. Пока он смотрел, чьи-то ноги в пижаме проследовали из одного конца квартиры в другой. Иван улыбнулся их сонному шагу.

И следующий день начал по-московски – рано встал и на балконе, подрагивая от утреннего ветерка, пил кофе. Отсюда ему было видно, как просыпаются парижане. Из дома напротив вышел respectable господин и, споткнувшись перед собачьей кучкой, сменил полосу движения. «Ноги в пижаме!» – догадался Иван.

Тут в гостиной грянул «будильник» – Андрей имел обыкновение ставить свою аудиосистему на таймер и пробуждать-

ся под энергичный поп-рок. На этот раз музыка оборвалась быстро, и уже через минуту Андрей вышел к нему на балкон – улыбающийся, какой-то потерянный.

– Ну и сон! – сказал он, удивлённо качая головой. – Это ты виноват! Понавёз мне лирики! Представляешь, мне приснилось, что у меня есть лодка! Такая – самая обыкновенная, стоит себе в камышах. А я почему-то не могу на ней плавать. Протекает она что ли? И вот я сижу на бережку, в этих камышах – и люблю её, и так её люблю, буквально, как человека! И хочу остаться. Просто решаю, что буду тут на берегу жить – чтоб её видеть. Потом какая-то палатка рядом со мной появилась, какой-то термос... Но это уже ерунда, – заключил он и растерянный, прежний – каким его знал Иван, поехал на работу.

«Вот счастливичик! – подумал Иван, закрыв за Андреем дверь. – Сны ему снятся, про лодку!..»

И в безвольной пустоте, не решаясь отправиться на прогулку, вернулся на свой балкон. Дневная суэта парижской улицы всем своим деятельным оптимизмом преподносила ему упрёк. Сперва Ивана укорил выходец из Африки, жизне-радостно громыхнувший железной тачкой, затем – подростки, вздумавшие целоваться прямо под балконом, наконец – выползшая из подъезда старуха с клюкой, в элегантном пальто, с золотыми кудряшками из-под шляпки.

С невнятной тревогой любовался Иван чужим превосход-

ством. Что не так? Почему он безволен? В чём виноват?

И вдруг его прострелило, да что там – смело ядром! Он не взял «Чемоданова»! Учебник остался лежать на столе, вместе с Гомером и Карамзиным.

Ах, если б он его взял!

Иван вцепился в перила балкона, как будто ненароком его могло сдуть из Парижа в Вену. Нет, ехать к Бэлке без «Чемоданова» нельзя – это всё равно, что ехать без билета. Ну а если бы имелся билет? «Хорошо, – взялся он рассуждать, – вот я приехал. С “Чемодановым” или без. Что я, стану звонить, мол, привёз, или не привёз “Чемоданова”? Бездарность и навязчивость! Уж если встречаться – то вдруг. Чтобы никто потом не чувствовал себя виноватым. Как только образовать это “вдруг” посередине Вены?

Самое простое – разыскать кафе, где она могла бы обедать». Иван знал одно подходящее, на Ринге, недалеко от университета. Они как-то были там с мамой – через широченное окно, обдавая паркет водой света, заливалась весна... «Бэлка, конечно, заходит сюда – ведь не может она пропустить такую большую, щедрую на солнце витрину! За один из уютных отполированных столов она садится, вытряхивает из сумки материалы к лекции – Бэлка учит австрийцев русскому. Её лицо нежно и строго. Она не из тех дур, у кого вместо чести – «женское сердце». Бэлка – человек. Отважный, но хрупкий. Может разбить сто врагов своего брата или друга, или сто гонителей дворовой собаки – и погибнуть от

единственной пошлой усмешки. Бэлка – как японское трёхстишие, умирает при столкновении с нечуткостью. Человек без слуха обращает её красоту в пыль, даже не заметив содеянного...»

Так возвышенно думал Иван, пока не осознал простого препятствия. Ну а если в тот день она не пойдёт обедать? Или пойдёт – но в другое место?

«Ну что же... – рассуждал он, в шутку вроде бы, но и всерьёз. – Тогда придётся встать на весеннем Ринге, напротив университета, и заорать. Какой-нибудь студент или коллега непременно ей передаст: стоял де посреди улицы на ручьях дурак в тёплой куртке, звал Бэллу Александровну. Не вас?»

Тут уж она встрепенётся, полетит и сама его разыщет. «Вена – такой город, – как-то жаловалась Ивану мама, – тесный. Если кого тебе надо встретить, или, хуже, не надо – непременно наткнёшься».

Ну а если не удастся наткнуться – можно оставить записку! – улыбался Иван и не видел уже под балконом никакого Парижа. “Здравствуй, Бэлла! Это я, приезжал специально, чтобы случайно тебя встретить”.

А что? Купить кофе в железной банке, вытряхнуть, и банку с письмом зарыть под её балконом. Конечно, если у неё есть балкон. Или ещё лучше. Купить местного молодого вина, выпить, бутылку с письмом залить сургучом (подумаем ещё, где добыть) и пустить в Дунайский канал. Или найти дупло – мало ли в Вене парков? Конечно, Бэлла Алексан-

дровна вряд ли полезет на дерево, но нам-то этого и не надо. Нам бы просто – написать и оставить. Вот напишет он и пойдёт по душистым улицам в поисках подходящего тайника. Такого, чтобы письмо, во-первых, не вымокло, во-вторых, не было найдено посторонним, в-третьих, ни в коем случае не было найдено Бэллой Александровной, и, в-четвёртых – непременно было найдено ею при участии чуда».

Подспудная вера в чудо являлась главной причиной, не дававшей Ивану жить и действовать в полную силу. «Потому что о чём беспокоиться? Коли судьба – чудо постарается за него. А нет судьбы – проживёт, как написано на роду. Если же на роду ему написано жить скучно, трудно – значит, это и есть для него самое полезное упражнение...»

Так раздумывал Иван, стоя на парижском балкончике своего друга, ничего не предпринимая, никуда не собираясь бежать. И, намечтавшись всласть, успокоился. «Не взял “Чемоданова” – и ладно! – вдруг ясно понял он. – А в чём виноват – так это в том, что людей о своей убогости надо предупреждать заранее. Раз не можешь для одного бросить всех – то и не затевай!»

В то утро Иван пошёл на набережную и долго смотрел на дурацкий колпак Лувра. Казалось, от его кривых труб к небу протянуты нити. История Франции дымом висела над дворцом. От набережной Иван направился куда глаза глядят, не

разбирая сторон, и вскоре город открыл ему свои книжные лавки, тихие садики и тепло октября. Они помирились.

Иван словно бы преодолел всемирный гул Парижа, найдя в нём уют старинной московской прогулки. Андрей освобо-дился рано. Как по летнему Тверскому бульвару, пошли они с ним будто бы мимо МХАТа, мимо нотного магазина, и вы-шли – к Гранд Опера. И хотя о важном не говорили, были снова близкие люди.

Даже с тесными кафе примирился Иван. Они не нрави-лись ему, как детям с чистым вкусом не нравятся кулинар-ные изыски, но теперь он признавал их уместность. Кафе бы-ли фоном – как всё в этом городе. Сам Париж оказался пре-красной фоновой музыкой.

Фон жизни, который в отсутствие сердцевины выходит на первый план и становится самой жизнью – этот образ был его сувениром из самого сувенирного города.

На следующий день они вместе поехали в аэропорт. Ан-дрей улетал на таинственный остров Гозо. Его рейс объяви-ли первым. А потом настал черёд Ивана.

Тёплый, мокрый город, безвкусно украшенный, продан-ный, раздавленный туристами на глазах у родных, покачался под крыльями и ушёл за облака. В Москву, в Москву!

В дороге Иван предавался раскаянию. Всё в нём ныло и боялось, что Андрей надолго застрянет в своей Франции, и придётся порознь отбывать жизни. Минует ещё сколько-то

времени – и уже не спасёт ни вино, ни общее детство. Всё у них будет врозь. И этот ужасный грех уж конечно не пройдет им даром. Пустить на самотёк такую дружбу, данную, как талант!..

Даже вид родной осенней дороги из Шереметьево не заглушил раскаяния. В гуле вины, не чуя ног, Иван прошёл по слякотному двору и у подъезда очнулся. «Ничего, – решил он строго, – мы это всё починим. Буду звонить. Ещё приеду...» И хотя меры показались ему натянутыми, сомневаться в них он себе запретил. Исправим – значит исправим!

Так он думал о своём друге, а о Бэлке – зажмурился и не думал совсем. Только дома, на бабушкин вопрос – как съездил? – ответил странно:

– В Париже очень людно, – сказал он и, помолчав, прибавил. – А в Вене была весна!

Через неделю ему позвонил Андрей. По непонятной причине он всё ещё был на Гозо.

– Не могу объяснить тебе, что происходит! – смеялся он. – Ты понимаешь, тут есть кондитерская. Как тебе сказать? Я думаю, вот это всё – моё. Апельсины, камни... а когда из пещеры тебя выплёскивает – ты буквально Одиссей!

– Какая кондитерская? Ты что, перезагорал? – спросил Иван.

– Почему перезагорал! – возразил Андрей. – Просто делюсь с тобой! Просто не хочу отсюда уезжать – и всё. А глав-

ное, ты понимаешь, сон! Сон мой помнишь?

– В лодку влюбился? – спросил Иван.

– Да! – подтвердил Андрей. – Да, да!

«Ну вот, – повесив трубку, сказал сам себе Иван. – Он влюбился! А у тебя гитара и “Чемоданов” – кушай!»

* * *

Иван был прав. Ничего интересного, кроме погоды – ветра, дождя, заморозков и потепления, в ближайшие дни с ним не случилось. Правда, в последнюю ноябрьскую пятницу, под вечер, произошло событие – забежал Костя. Они не виделись около месяца, и Иван едва узнал своё чадо.

В распахнутом пальто поверх ничтожной футболки, с «этюдником» под мышкой Костя ввалился к нему. Лоб его взмок, руки заоченели. Наступающей зимы он не видел.

– У меня нет времени! – заявил он в ответ на приглашение Ивана войти, и остался стоять на пороге. – Я так забежал – посмотреть на тебя. Жизнь пошла, понимаешь? Вот я и думаю – неужели ты всё сидишь? Может, тебя уже сдуло куда-нибудь? Слушай, я голодный, как зверь! Есть у тебя еда? Дай хоть бутерброд!

Иван принёс ему пару бутербродов с ветчиной, огурец и холодную картофелину в мундире.

– Может, всё-таки пройдёшь?

Костя мотнул головой и выхватил у него из рук тарелку.

– Я вчера, по-моему, вообще не ел. Забываю! – сказал он, принимаясь за бутерброд. – Ох, как же хорошо! Хорошо у тебя! Лучшее время в жизни!

Иван с улыбкой наблюдал за Костиной трапезой. «Не стоит пугаться заранее, – думал он. – Поведение талантливоего ребёнка в восемнадцать лет вполне может выглядеть глупо. Спешка, еда в коридоре, восторженные реплики. Может быть, так и положено человеку выплавляться из бесформенной юности».

Еда возымела на Костю доброе действие. Вернув Ивану тарелку, он потянулся, потёр глаза – как будто только что встал, и решил изменить свои планы.

– А вообще, куда я спешу? – сказал он. – Я хотел к Женьке. Ну да Бог с ним, правда ведь?

Не сняв ни пальто, ни ботинок, он прошёл на кухню и сел к столу.

– Да! У меня куча времени! – окончательно решил он. – Я тебе сейчас всё расскажу, все мои последние впечатления. Хочешь? У тебя есть листочек? Стой, у меня есть! – и, выхватив из «этюдика» тетрадку, принялся чертить.

– Это что? – спросил Иван, присаживаясь напротив.

– Это дом Фолькера! – ответил Костя. – Если отсюда идти вдоль реки на Москву – ты в него почти упрёшься. Он тут, кстати, тоже на велике шастает! Ему доктор велел – от перегрева «крыши». А дом у него такой коричневый, и зелёная черепица. Ты если доедешь до него – узнаешь. Так, мрачно-

вато, но после того, как они его отговорили – все довольны. Ты представляешь, он хотел покрасить дом в чёрное с золотом! – сообщил Костя, продолжая чертить. – Смотри, вот это, возле дома – ангар для вертолётa, но самого вертолётa пока что нет. Там дельтаплан пока. Зато есть катер. Фолькер его отдал Женьке в пользование. Господи, такая куча денег у людей! Ладно, я в это не вникаю... Вот смотри теперь, что внутри.

Иван взглянул без охоты на Костин чертёжик.

– В середине дома, видишь, такой круглый – это Центр управления полётom. ЦУП. Ясно?

– Да чего ж неясного! – улыбнулся Иван. – Всё понятно. Центр управления полетом планеты Земля. Капитан Фолькер.

– ЦУП, – с увлечением продолжал Костя, – Это такая комната с компьютерами. На стене большой экран. Ну, там ещё электронная карта мира и холодильник. Окон нету, но зато в потолке – большое стекло, через него видно небо. Говорят, зимой, как снег, они его веником чистят. Под куполом такой небольшой капитанский мостик, и телескоп. И главное, в подвале – музыкальная студия! Фолькер ведь создал рок-группу! Он и раньше песни писал, в альплагере, а теперь вообще! Женька говорит, попасть к нему в студию – дикая честь. Вот что за человек – за всё берётся, ничего не боится! Его только глючит иногда – что нельзя обнять мир. У него жажда власти наслоилась на доброе социальное чувство.

– Значит, трудно ему, – не без сострадания произнёс Иван.

– Да! Таковы издержки производства, – согласился Костя и, скинув пальто, зашагал по кухне. – Иван, чем мне их подкупить? У меня неоспоримые способности – и ноль навыков, ноль кругозора. Что я могу? – Тут он снова схватил свою сумку и вывалил на стол содержимое. – Я у Гёте вычитал... – сказал он, листая книжечку. – Не найду сейчас, но смысл такой: несчастлив тот, кто забрасывает, что умеет, и берётся за то, чего не умеет! Область моих умений – болтовня и горячая кровь! Значит, мне следует завоёвывать Фолькера болтовнёй и кровью! Согласись, для его дела – ведь это то, что надо!

– Ты не мог бы мне объяснить, – терпеливо спросил Иван. – Для чего тебе завоевывать Фолькера?

– Мог бы! – уверенно сказал Костя, – Я как раз над этим думал! Как раз старался трезво сообразить: почему мне так хочется зацепиться за их компанию? Что это – жажда самоутвердиться? Жажда соответствовать эпохе, быть на передовой? Может быть, но это только сопутствующие страсти. Есть кое-что поважнее! – и Костя с улыбкой выдержал паузу. – Я хочу проверить тебя на мудрость! Догадайся!

– Да не собираюсь я гадать! – возмутился Иван. – Рожна тебе надо!

– Ну конечно! – завопил Костя. – Именно рожна! Опыта! Активное участие в их интернет-дурдоме даст мне гигантский опыт! Я узнаю массу разных людей – от героев до бом-

жей! Всех! Поборюсь, проиграю, выиграю! Моя задача – набрести опыта всеми способами, и как можно скорее. Мне надо срочно стать мудрым! Пока не ушёл молодой задор! Тогда, если сложить юность и мудрость, можно создать великое!

– Они не сложатся, – сказал Иван. – Или дудочка, или кувшинчик.

– Ну, хорошо! – согласился Костя. – Пусть не сейчас. Но когда-нибудь я всё равно создам такое – ты ахнешь!

– Я не доживу, – сказал Иван.

– Доживёшь – ты же не можешь бросить меня! Я – твой крест! Ты должен меня хвалить, загораться, верить на смерть! Кроме тебя некому! Все остальные стопроцентно ангажированы сами собой.

Ивану было и лестно, и горько.

– Ты сорвёшься и больно шлёпнешься, – сказал он.

– А я и хочу! – закивал Костя. – В срывах – топливо для победы! Там, на дне, такие гигантские месторождения опыта! А пока что мне просто надо к Фолькеру. Просто надо ему доказать свою творческую состоятельность.

Иван смотрел на него, подперев рукой голову. Он старался представить себя на месте Кости, влезть в его шкуру. Там было колко, мокро и сильно дуло. Сплошное, неиссякаемое неудобство!

– Знаешь что! – вдруг встрепенулся Костя. – Вот я смотрю и не знаю – уважаю ли я тебя? Раньше уважал – это да,

точно. А теперь? Спроси меня – я не скажу. Ведь ты – заросший пруд! Не знаю – можно ли уважать такую «экосистему»? И это не только с тобой, это во всём – ничего не могу оценить, просто крушение координат! У меня такое чувство, мне под компас кто-то кладёт магнит, а потом вынимает, а потом опять кладёт. Не пойму – ты вообще мне кто? Почему я тебя слушаю?

Иван сидел напротив, всё так же подперев голову, но смотрел уже не на Костю, а в сторону окна, на свой гераневый лес. Там, во влажной земле, под кроной ветвистого, цветущего розовым «дуба», завёлся жучок, похожий на божью коровку, только темнее. Хорошо ли ему жилось, или только вынужденно он довольствовался пристанищем?

– Ладно, пора лететь! – поднялся Костя. – Проводишь меня? – он вышел в прихожую и надел пальто. – Я могу не извиняться? Ну, что я редко захожу и всё такое? Понимаешь, я – не ты. Я буду жить в кровь. Раз есть жизнь – буду жить её. Мы с тобой на пенсии перекурим.

– На том свете, – уточнил Иван и тоже оделся.

Он спустился с Костей во двор, в тёмный ноябрьский вечер. Дул косой колючий дождик, холодало, и уже треснула под ногой стянувшая лужу льдинка.

– Смотри, какая славная жизнь, – произнёс Костя. – Прощаюсь с тобой, и не знаю – на день или на год? Бывало у тебя такое?

– Нет, – покачал головой Иван. – Я всегда навещал своих регулярно.

Дыша бензиновой слякотью, они направились в сторону улицы.

– А вон твоя подруга! – неприязненно кивнул Костя.

Действительно, к гаражам за детской площадкой подъехала Оля, выгрузила из машины на лавочку пакеты с продуктами и теперь стояла, покуривая. Вид её выражал независимость, но всё равно было ясно – она заняла очередь на Ивана.

– Ладно, я буду держать тебя в курсе! – сказал Костя, сжав руку Ивана, и задушевно, по-русски, расцеловал его в щеки. – Ты уж болей за меня! – добавил он и быстро ушёл.

Иван дождался, пока скроется Костя, и двинулся навстречу Оле.

– Привет! – сказал он, остановившись чуть поодаль.

– Чего это он, не в духе? – спросила Оля, кивая вслед ушедшему Косте.

– Да вот, хочет опыта, – отозвался Иван. – Не знаю, надо ли как-то его притормаживать? Или пускай?

– Не надоело тебе? – сказала Оля и, приблизившись, заклубила Ивана сигаретой. – Работаешь бесплатным психологом, небось ещё и сам ему подкидываешь. Да? На мороженое. Интересно, он хоть раз спросил тебя, как ты? Спорим, что нет!

– А ты хоть раз спросила меня, как я? – вдруг развеселившись, подзадорил её Иван.

– Я – другое дело! Я давно и честно тебе объявила, что закрываю все размышления о посторонних, потому что у меня трудная жизнь, – отшвырнула Оля. – И если ты будешь меня упрекать...

– Я не буду, – немедленно возразил Иван. – Ты сама понимаешь – что я без вас? Я просто хотел сказать, что и Костю не стоит упрекать.

– Действительно – что ты без нас? Ничего-то у тебя нет! – с неожиданным сочувствием признала Оля. – Вот я смотрю на тебя и думаю – ну что я упёрлась? Ты же меня звал к вам в фирму – на телефон. Вот пошла бы! Была бы свободна, дома. Выспалась бы, подобрела, смирилась со своим зависимым положением. Вообще бы смирилась... Может, тогда и на меня перекинется твоё везение? Знаешь, как такой полезный микроб. Заражусь лафой и буду счастлива! И ты будешь рад, что исполнил свой долг человеколюбия. Вон, ты же рад, что твой Костя тебя тиранит!

Ещё пару минут они побыли на колком ветру. Оля докурила, Иван подхватил её пакеты, и они пошли к подъезду.

По дороге он рассказал Оле о своей недавней поездке к Андрею – о том, что его друг изменился – внешнее в нём разошлось с внутренним, тогда как раньше было едино. А он, Иван, ленится, за переменами не следит – так можно и вовсе потерять человека из виду! Он хотел рассказать ей и о Жюле Верне, и о сне, и о нелепом звонке с острова Гозо, но что-то в нём воспротивилось.

– Ты понимаешь, – сказала Оля, когда Иван умолк. – Я трезвый, реалистичный человек, отвечающий за себя и за ребенка. Мне нет никакого смысла слушать басни о твоих друзьях. Мне бы самой перекантоваться. Не обижайся! – И заключила фразу не содержащей улыбки растяжкой губ.

«В следующий раз, – решил Иван, таща к подъезду Олины пакеты, – я скажу ей, что она выставляет перед собой свои трудности, как щит с шипами, и ещё удивляется, почему к ней никак не пробьётся счастье. Скажу обязательно. Но не сегодня».

У подъезда он посмотрел на куст волчьих ягод. На засыпающих ветках держалось несколько ржавых листьев. Их облетевшими братьями, как старыми медяками, была усыпана земля под кустом. «Скоро промёрзнет совсем», – подумал Иван, с удовольствием предвидя зимний покой растений.

А дома, взявшись убирать со стола посуду, поднял взгляд и увидел снег – он мягко падал мимо окна, спокойный, состоящий из склеенных по нескольку штук неторопливых снежинок. Иван прочёл его, как заповедь. Это был рецепт душевного мира, не передаваемый словами – только снегом. Каких-нибудь пять минут назад он стоял во дворе, в сырой ветреной слякоти. И вот теперь – такая тишина, и он, Иван, в согласии с нею! Можно даже сказать, они – взаимный портрет друг друга.

Иван полюбовался ещё и вдруг почувствовал вину. «Всё-таки, поэзия отбирает человека у человека. Вот он, Иван,

стоит себе, понимает снег, а Костю наизнанку крутит от всяческой жажды. И Андрей потерян, потому что ему некого спасти от индейцев. И Бэлла в весенней Вене одна. И на Оле от одиночества выросло семь драконьих шкур. А у бабушки с дедушкой другая проблема – жизнь подходит к концу. А он стоит себе, понимает снег. Чем он поможет им всем со своим снегом?»

На следующий день снег не растаял, но утратил былую божественность. Сошедши на землю, он подвергся земной судьбе – чьи-то ноги потоптали его, поклевала ворона. Зато к вечеру напорошило ещё.

«Ну вот, – с облегчением сказал сам себе Иван, – ты и пролетел свою осень».

* * *

На этот раз он действительно опасался осени зря. Лампы, летняя мята и мёд, ноты и книги – всё это оказалось не таким уж насущным. Иван перевёл часы и легко, без тревог двинулся в тёмное время года.

Днями своими он по-прежнему распоряжался свободно – без предварительных договорённостей, ничего не планировал, плыл, как придётся. При этом смело пренебрегал всеми современными методами жизненной навигации, оставив себе одну совесть.

Из крупных дел у него имелась вторая глава научной работы. И каждое доброе утро, а таких в последний год случилось большинство, Иван решал твёрдо: «Сегодня нет!»

Разделавшись таким образом с наукой, он собирался и ехал в офис. Звукоизоляция помещений была куда более чистым занятием, чем анализ современной культуры, но и тут не складывалось. В офисе ему не находилось дела. «Уйдите, Иван Александрович!» – говорил взгляд секретарши. У неё наклёвывался роман с менеджером Денисом. Иван их стеснял.

«Ну что, приятель, досачковался? – улыбался Иван, покидая офис. – Вот и гуляй теперь!»

И он гулял, по обочине собирая маленькие дела – поменял летние шины на зимние, в коридоре у бабушки поправил плинтус. Как переломить своё тихое нецветущее состояние, и надо ли переламывать, он не знал.

Тем временем конец ноября налёг темнотой, и в будничной благодати Ивана стали случаться огрехи.

Всё последнее время он с готовностью принимал своё одиночество – как взнос за благополучие близких. Но теперь смирение перестало удаваться ему. Андрей что ли с Костей расшатали его спокойствие? Одиночество из добровольного и полезного стало казаться ему унижительным. В тревоге он оглядывал свою пустую молодость и, наконец, дошёл до того, что повелел себе завтра же начать жить по-человечески.

Что это означало – Иван толком не знал. Но его намерение стало осуществляться само собой.

Уже на следующий день, зайдя в институт, он не то чтобы увидел – почувствовал – как в гардеробе и на лестнице с лёгким электрическим покалыванием касается его чей-то взгляд. К обеду облако флирта сгустилось, и из него выделился человек, обладающий плотью и речью. Им оказалась милостивая студентка, непринуждённо, как знакомого, дёрнувшая его в вестибюле за рукав. «Хочу переслать тебе кое-что. Можно мне твой емэйл?» – запросто сказала она. Иван, растерявшись, отдал ей свою «звукоизоляционную» визитку и в тот же вечер получил письмо. Девушка назначала ему свидание в одном из клубов, спасительно оговариваясь при этом, что оставляет за ним право не приходить.

Он пришёл в клуб без капли волнения, с расслабленно повисшими руками и ровной добротой в сердце.

Они поболтали, теряя в шуме куски предложений, и разумно сошлись на том, что люди они не похожие, вместе весело им не будет.

Девушка отправилась танцевать, а Иван с облегчением вышел. Под ногами хрустел ледок, час назад ещё бывший слякотью. И уже проглянули мельчайшие звёздочки, еле видимые через подсвеченный фонарями смог.

В бодром настроении вернувшись домой, он поразмыслил и сразу нашёл несколько возможностей продолжить «хождение в жизнь». Пойти в офис – там возле окна сидит у них

Таня – определить на глаз величину её чувства трудно, но сколько-то, безусловно, есть. Пойти на седьмой этаж, пови- ниться перед Олей за годы малодушия и разом всё испра- вить. Позвонить Бэлке в Австрию – окунуться с ней опять в эту реку – почему нет? У Бэллы трагическая красота и чи- стое сердце. Она сестра Кости, в конце концов. А вот и «би- лет на пароход» – синий том Чемоданова. Одним словом – довольно. Пора уже с кем-нибудь разделить жизнь!

Но даже и тогда, в бреду планируя счастье, он понимал, как это будет неправильно, и как нелепо может закончиться.

Переболев приступ, Иван остался сам при себе. Разыс- кал по кондитерским «Адвенц-календер» – набитый конфе- тами рождественский календарь, и подарил Максу. Это был мудрый шаг, потому что теперь каждый день у них был по- вод для встречи – обсудить доставшуюся фигурку. Искушен- ные в Рождестве швейцарцы поместили в окошечки горькие ёлочные шары, молочные свечи и ореховых ангелов в фоль- ге. Макс не ел их, а собирал. Впоследствии всю коллекцию на золотых нитях можно было повесить на ёлку.

Иван по старой привычке стыдился своей обывательской неги и был рад однажды у бабушки по кухонному радио услышать слова кого-то из древних святых «Могу в изоби- лии, а могу и в скудости». Не то чтобы он безоговорочно до- верял святым, но созвучие было ему приятно.

Понемногу дым зимы, пришедший на смену осенним туманам, застлал дома напротив. На крыши за ночь наметало столько, что клубило потом весь день. Совсем тоска не ушла. Она стояла поблизости, на порожке. Ивану хотелось уехать куда-нибудь, и в движении своём совпасть со снегом. То он рвался на дачу, то мечтал снова сесть в самолёт, чтобы на взлёте увидеть снежную ткань изнутри. Но у бабушки на погоду разнылись суставы. По утрам и на ночь она сетовала ему на тяготы возраста и раз даже заплакала. Куда он поедет! Хватит уже, погулял.

Однако Ивану всё же выпала дорога – в город Санкт-Петербург.

Его позвал отец. Точнее, не позвал, а предоставил повод. Сам он жил в Питере уже пять лет, уехав туда сразу после разрыва с мамой. С сыном общался редко и нехотя. Преподавал, занимался исследованиями. Его нынешняя академичность была удивительна Ивану. Никогда прежде отец не довольствовался одной наукой, но сопрягал её успешно с коммерцией. Похоже, его уснувший на время предпринимательский дух вновь воспрянул. Отец решил открыть в Питере филиал своего московского предприятия – того самого, которым расслабленно и безынициативно, сложив весь труд на

плечи коммерческого директора, управлял его сын. Для регистрации филиала потребовались документы, которые Ивану предстояло подвезти на вокзал и передать коллеге отца, отбывающему в Питер.

– Зачем же передавать! Я лучше сам приеду! – сразу решил Иван. И хотя отец возражал, находя рвение сына бессмысленным, отговорить его он не смог.

Всю дорогу Иван проглядел в окошко и нисколько не заскучал – потому, вероятно, что смотреть в окно было его призванием. В районе Бологого тянувшийся от самой Москвы снег кончился. Над поездом повисли лиловые тучи, яркие, как непросохшая акварель. Точно такой же облачностью пару часов спустя встречал его Питер. На Невском, в первой попавшейся кофейне, Иван позавтракал и, обнаружив, что до встречи с отцом ещё уйма времени, отправился гулять.

Он бродил по улицам, удивляясь, как всё же похож его отец на Петербург. Сходства было много – в строгости архитектурных линий и линий лица, в погоде и нраве. А вот птицы, звери и дети не шли ни городу, ни отцу. Иван почувствовал это, когда на перекрёстке к нему пристроился щенок дворняги и грамотно, нога к ноге с человеком, пересёк дорогу на зелёный свет. Всей своей повадкой щенок выражал радость, его рыжая шерсть лоснилась – он ещё не хлебнул собачьей жизни. Очутившись на другом берегу, щенок немедленно напал на воробьёв и отбил у них хлеб. Иван смотрел

и вспоминал, как во дворе его детства отец обходил за семь вёрст пиры голубей над раскрошенной булкой.

Прошло утро, на влажных сумрачных улицах потеплело. Иван расстегнул куртку и гулял так до обеда, грудью чувствуя разницу в климате двух столиц. А затем подул солнцем. Облака расступились, и холодный ясный ветер вынес его на угол двух старых улиц, где они с отцом договорились встретиться.

Настаивая на приезде, Иван берёт в душе скромную цель – понемножку начать сближение. Тут главной хитростью было не давить на отца, ничем не выдать своего намерения. Иван исполнил её «на пять». Просто отдал документы, образцы рекламных буклетов, коробку с печатями. Даже приветливого взгляда не позволил себе.

В ответ на его образцовую сдержанность, отец предложил прогулку. Они пошли вдоль реки, и всю дорогу Иван чувствовал, как много у него от отца – походка, лицо, даже голос. Только глаза – рассадник нежных чувств – у Ивана были мамины. И получалось: они с отцом выглядят, как недружные, воспитанные порознь братья.

Прогулка не удалась. Дорогой отец взялся расспрашивать его о работе, но Иван завалил экзамен. Не вспомнил цифр, запутался в поставщиках – одним словом, выказал позорную неинформированность в делах своего королевства.

Отец окаменел и больше не произнёс ни слова. Иван хорошо знал эту родную хмурь, видел её насквозь – конечно,

отец жалел о прогулке, о потраченном времени, о ребёнке, из которого не вышел толк. Скорее всего, ему хотелось сказать сыну что-нибудь резкое, но он сдержался. За сдержанность эту Иван был ему благодарен.

В поезде он думал о родителях: как вырвалась и налегалась по доброй Европе мама, и как по-своему обрёл себя отец, слившись с холодной природой Питера. Конечно, теперь, когда упоение волей прошло, им обоим предстояло почувствовать осень. Может быть, пользуясь этим спадом, удастся сомкнуть края, или хотя бы перекинуть мост?

Как это сделать, и хватит ли на такой подвиг жизни, Иван не имел понятия. К тому же, его занимал ещё один, самый трудный вопрос: надо ли? Бабушка на это не раз ему говорила, что произошедший между семьёй и отцом разрыв – всего лишь отражение разрыва внутреннего, бытовавшего всегда. Ну а как, скажите, ему не быть, если человек – «эгоист и тиран»!

Своего твёрдого мнения на этот счёт у Ивана не было, но ему хотелось искать примирения уже потому, что положение отца, как и любого одинокого человека – отчаянно.

«В конце концов, – рассуждал он, – на свете есть душистый луг под солнцем, и песок с тёплой волной, а есть суровые норвежские фьорды, и тундра, и сталактитовые пещеры. Всё это было сотворено однажды, и достойно любви. Ему у отца достался фьорд. Чем плохо?»

Добытыми впечатлениями он поделился по телефону с Ольгой Николаевной. Иван рассчитывал, что мама, узнав про горькую жизнь бывшего мужа, забудет старое и прилетит спасать.

– Бабушка тебе про отца не рассказывала? – хитрил он, зная отлично, что бабушка скорее умрёт, чем поспособствует воссоединению с «тираном и эгоистом».

– Женился? – ахнула Ольга Николаевна.

– Да нет, не похоже, – утешил её Иван. – Открыл в Питере филиал. Говорит: о-го-го, как всем в Питере хочется друг от друга звукоизолироваться! Ты знаешь, я думаю, только вот эта новая суэта его и спасает.

– Ты что, ездил к нему? – ужаснулась Ольга Николаевна.

– Мама, он весь каменный! – сказал Иван. – Если б ты знала, что это такое – дострадаться до каменного состояния. Но мне кажется, такой лёгкий человек, как ты, и не может этого знать. До тебя ангелы не допустят...

– Ну конечно! Я и вообще живу в раю! – огрызнулась мама, очень взволнованная тем, что отец одинок и бедствует сверх меры.

– Я думаю, если как-то его уговорить, убедить. Я хочу сказать: что если вас обоих как-нибудь сдвинуть в Москву? Пусть даже пока не в одну квартиру...

Мама не дала ему закончить. Что за странный человек её сын! – возмущалась она. – Неужели забыл, каких усилий ей

стоило добиться человеческой жизни, в нормальном обществе, в нормальном климате! А он, вместо того, чтоб помочь ей остаться, норовит выманить её на свой тоскливый, заледеленый, бесчеловечный, коррумпированный пустырь! Да и посул хорош – мрачный псих, от которого сама и сбежала!

В смущении Иван отложил погасший телефон. И всё-таки, ему казалось, что он продвинулся к цели. Пусть пока на один только мысленный мамин взгляд в направлении авиакасс.

* * *

Одиночество разделяя с велосипедом, Иван ездил до снега, и по снегу поехал тоже. Оттепели нравились ему не менее снегопадов, а снегопады не менее оттепелей. Любая прогулка оказывалась целебна. Он возвращался бодрый, потный, благодарный изобретателю велосипеда и всей природе осенне-зимнего берега.

Однажды он догадался, что его велосипедный роман есть способ разговора с землёй. Вроде собиранья грибов, но иной. У земного рельефа было вдоволь реплик для велосипедиста. Каждый овраг и тропинку Иван выслушивал и давал ответ ездока. По скользкой глине берега и по мёрзлой лиственной шкуре шины катили не одинаково. Бывали весёлые овраги – в них он съезжал скоро, попадались тоскливые и таинственные – такие хотелось объехать. Посыл менялся

в зависимости от погоды. Размытые дорожки хандрили, но, подмерзнув, бодрились вновь, и велосипед хандрил на них или бодрился.

Как-то раз на своём излюбленном месте, там, где в овражках нарыты трамплины, он увидел парня постарше себя, на «марсианском» велике. Парень был в кургузой кожаной куртке, в тёмных очках и без шлема. Несмотря на свой невысокий рост и скромное сложение, он показался Ивану разрушительным – как шаровая молния или кинжал.

Заметив зрителя, парень улыбнулся и, нацелившись точно в лоб, взлетел на трамплин.

Иван взял влево и рухнул в листья. Лобовое столкновение не состоялось.

Весьма довольный тем, как славно отреагировала его «мишень», парень бросил велик, на лоб сдвинул очки и, подойдя, протянул Ивану руку в перчатке.

– Ты больной что ли? – спросил Иван. Не приняв руки, он отряхнул с куртки снежные листья и собрался уже подняться, но не смог – сердце оцепенело. Снежок вокруг велосипедиста был запачкан кровью. Приглядевшись, он заметил – красные пятна как будто напоминают ребристый рисунок подошв.

– А, что, класс? Нравится? – обрадовался парень. – У меня там сменный картридж! – объяснил он, поднимая ногу в танкообразном ботинке, но не удержал равновесия и плюхнулся в заснеженные листья. – На заказ делают. Знаешь, если

кому охота оставить по себе след! – с ухмылкой прибавил он.

Севший голос, глаза в красных прожилках, как будто их долго тёрли, вихры из-под шлема и усталые, горестные носогубные складки – Иван смотрел вскользь, проникаясь неясным сочувствием.

– Я сюда установлю прожектор, – сказал парень, поднимаясь и щедрым жестом обводя небо и лес. – Чтобы по ночам тренироваться. У меня только ночью время есть. И эту рухлядь пусть вывезут, – он пнул ногой деревянную опору. – У меня тут брат гоняет. Это его машина, – он дёрнул руль, и велосипед встал на дыбы. – Я-то уже старик, некогда мне. А... да хотя, и ты старик, – сказал он, вглядываясь в лицо Ивана. – Старики мы. Ну давай! Чего сел! Давай вон с той деревяшки – кто дальше! Разгон от берёзы.

– Не хочу, – сказал Иван и, подняв с земли свой велосипед, покатил по тропинке в сторону города. При этом он очень старался не вникать в содержание воплей, какими сопровождал его отъезд разочарованный парень в ботинках со сменным картриджем.

«Вот и Фолькер, – катя по бережку, думал он. – Надо у Кости спросить. Может, правда Фолькер?»

Костя зашёл через пару дней. Он был строг и собран, сказал «привет» и снял пальто. К чёрному колючему сукну «собачками» пристали снежинки. На миг в движении Костиных рук, вешавших пальто на крючок, мелькнуло сомнение.

– Давай-давай, проходи, не раздумывай, – подбодрил Иван. – Полчаса у тебя есть.

– Да, – согласился Костя. – Полчаса есть. И нам за полчаса надо будет решить один судьбоносный вопрос. Готовься.

С этими словами он прошёл на кухню и, сев у окна, положил ладони на стол. Его лицо было сосредоточено. Иван даже чаю не стал предлагать, опасаясь сбить его с толку.

– Я сразу к делу, ты не против? – заговорил Костя и, по возможности кратко, обрисовал другу «костры» и «льды» своего положения.

За время, что они не виделись, Женька несколько раз приводил Костю в дом брата. Фолькер запросто пустил новичка в свою музыкальную студию и хохотал от восторга, когда Костя экспромтом вписал в новую песню три удачных строфы. «Да это, (многоточие и ещё многоточие!), просто «Египетские ночи!»» – орал Фолькер, и Костя был тронут начитанностью интернет-монстра, странной в контексте его неформальной лексики.

– Ты понимаешь, – объяснял Костя. – У него всё есть – музыканты, студия, даже мотивчики кое-какие. И звук свой они придумали. А текстов нет. То есть, он может сказать, о чём песня, а когда пытается срифмовать – выходит убожество. Тут меня и понесло. Не знаю, может, от страха – но получился такой ясный, резкий текст! Тебе я его прочесть не решаюсь – ты мне так поверь. В общем, Фолькер обрадовался – он ведь импульсивный человек. Почитал ещё, что там у

меня с собой было. «Всё, – говорит, – ты у нас чувствуешь время, будем с тобой сотрудничать. Для начала поработаешь спецкором. Женька – твой прямой начальник. Он даёт заказ – ты пишешь, он редактирует и размещает на сайтах. Кроме того, – говорит, – в случае необходимости будешь со мной летать по родине и комментировать происходящее в Интернете, на языке твоих больных ровесников».

– А происходящее – это что? – уточнил Иван.

– Не знаю, – мотнул головой Костя. – Он хочет с группой ездить – в поддержку сайтов. Проповедовать хочет. Чтоб попсовые дети включали мозги. Я вообще не думаю, что ему нужны мои тексты. Горячая кровь – вот что нужно! А как её применить – это уж он разберётся. Может, я дискотеки у него буду вести, по Сибири, под лозунгом «Здравствуй, совесть!»

Костя беспокойно вздохнул и умолк.

«Нет, всё-таки надо чаю!» – решил Иван и, встав, насыпал в заварочный чайник листьев и цветов минувшего лета.

– Мне странно, – говорил он Косте, пока закипала вода. – Человек, заработавший кучу денег, соблазнился утопией. Может быть, этот проект – подготовительный этап какого-нибудь бизнеса? Ты ж сам говорил, у него там всяческие он-лайн магазины? Может, действительно, хочет скупить пространство, раскрутить и так далее...

– Да нет! – перебил Костя. – Я ж тебе говорил – с головой у него плохо! Я его прямо спросил – зачем ему дались эти молодёжные сайты? Неужели он надеется, что кто-то там что-то

увидит и рванёт оттаскивать друзей от наркотиков или там Достоевского читать? «Нет, – говорит, – чтобы рванул тупой – это нереально! Но отвоевать тех, у кого внутри что-то есть, можно!» Я ему возражаю, мол, Фолькер, это у тебя получится или сектантство, или отряд бой-скаутов! А он ржёт. «Ну и пусть, – говорит, – лишь бы растолкать человека!» Иван, ты понимаешь, у него серьёзные люди в штате. Психологов, между прочим, две штуки!

– А ботинки со сменным картриджем у него есть? – спросил Иван, ставя перед Костей чашку.

– Не знаю про картридж. С чего это ты взял? Но вообще у него целая комната ботинок. Он их коллекционирует. Когда он бывает в какой-нибудь стране или местности, обязательно вымажет подошвы пожирнее в грязи и потом уже её не смывает, бережёт даже. У него есть ботинки в красной глине, в белой глине, в тине какой-то, чёрте в чём. У него специальная для ботинок гардеробная – я видел. Наверно, пар пятьдесят. А ещё он стены коллекционирует – ну это я тебе рассказывал уже, да? Женька сказал, с ним из-за этих стен жена развелась.

– Наверно, не из-за стен, а по причине общего сумасшествия, – предположил Иван.

– Может быть, – согласился Костя. – Но мне это всё равно. Для меня есть реальная работа. И нам с тобой надо трезво разобрать минусы и плюсы моего шанса.

Иван взглянул на своего подопечного и заранее всем серд-

цем встал на сторону минусов.

– Минусы такие, – начал Костя. – Во-первых, я не буду свободен. Мотайся по всему свету, делай, что велят. Во-вторых – у меня не останется времени подумать о себе честно. В институт я тоже вряд ли подготовлюсь. Это минусы.

– Ну а плюсы? – спросил Иван, зная, что таковых не найдётся.

– А плюсы, что у меня будет масса знакомых, разнообразная жизнь, драйв. Видишь, летать куда-то придётся. Я ведь уже говорил тебе про опыт! И, кроме того, у меня будут деньги. Если я научусь талантливо работать – деньги будут. Тут, я думаю, он не обманет. А уж дальше – выше!

– По-моему, это не плюсы, – качнул головой Иван.

– Так вот я и хочу знать твоё мнение! – воскликнул Костя, – Правда ли, что большому кораблю нужно большое плавание? Я большой корабль – это точно. Я думаю, если знать секреты преобразования энергии, так на мне до Марса долететь можно! Но надо ли? Человек в большом плавании – как слон. Раздавил нечаянно сто лягушек – ах извините, я большой!

– А почему ты думаешь, что станешь давить лягушек?

– Потому что для самоконтроля нужно уединение и время! – крикнул Костя и, вскочив, зашагал по кухне. – Если я в гуще событий – я иду в разнос! Конечно, стану давить – всех, и тебя!

– Ну, так в чём дело? – сказал Иван, с трудом сдерживая

улыбку. – Раз ты всё знаешь, неужели нельзя себя усмирить?
– Усмирить? – навис над столом Костя. – Ну конечно, только это и остаётся! На твоём божественном фоне ни черта нельзя предпринять! Всё начинает казаться тупой амбициозной суетой! Найти себе занятие – суета! Мир спасать – бред, суета и амбиции! Влюбиться – вообще подлость! Ты прививаешь мне вкус к бессмертию, а мне нужен вкус к жизни! Я молод! Понимаешь? Юн! Юн! Молод! Ты вообще задумывался, что я из себя представляю в свои годы? Не мечтаю ни о какой любви – подавай мне мудрость! А всяческого кайфа хотя и хочется, но при одной мысли уже тошнит, потому что я знаю бренность. А мне не надо знать! Мне жить и дрова ломать надо!

– Решил – иди, ломай! – спокойно сказал Иван.

– И пойду! – крикнул Костя. Впрочем, тут же утих и, вернувшись за стол, сделал первый глоток из своей остывающей чашки.

– Что это за гадость? – поморщился он. – Сахару хоть дай!

– Это не гадость, – возразил Иван. – Это правда о родине. Зверобой, ромашка, пустырник. Тебе полезно! – И подал ему сахарницу.

Костя разболтал в чашке белую метельку песка и по глотку задумчиво выпил. Было видно – сраженья с самим собой его обессилили. Допив, он вздохнул и, взяв за лямку «этюдник» поплёлся в коридор.

Иван вышел за ним и смотрел, как с множеством резких

неточных движений одевается Костя. У «этюдика» заело молнию, рука, полезши в рукав, упёрлась в шарф, на пальто отлетела пуговица. «Чёрт!» – разозлился Костя, пряча пуговицу в карман, и тут же обнаружил, что из кармана исчез ключ. Понервничав вдоволь, он нащупал его за подкладкой.

Наконец он был готов, повесил на шею шарф, но не ушёл, а остался стоять на пороге, сжимая концы в кулаках.

– Ну, давай, говори, – кивнул Иван. – Что ещё у тебя?

– Как тебе скажешь, когда ты даже не отвёз Бэлке «Чемоданова»? – произнёс Костя. – Ты видел Женьку – видел, как он на Машку смотрит? Я с ним рядом греюсь. Болтаешь с ним – и укрыт лучами. Когда вы с Бэлкой были вместе – я это тоже чувствовал. Но сколько мне тогда было? А теперь всё гудит! – и он дёрнул себя за шарф, словно ударил в колокол. – Ты не думай, я не завидую, хотя лучше Машки нет – это факт. Я просто удивляюсь: вот вроде бы я только что решил – «ломать дрова». Решил – а гул не унимается! Значит, что-то другое во мне ноет? Может быть, мне вообще надо закрыть вопрос о себе? И открыть вопрос о другом человеке? Не пойму я, чего хочу! – с тоской заключил Костя и вдруг, вытянувшись по стойке «смирно», потребовал. – Благослови меня!

– Благословить? – растерялся Иван. – С чего это ты взял, что я могу? Ну ладно... Давай, с Богом!..

Он тронул его плечо, и свободный от тяготы Костя вылетел вон.

– Спасибо! – прокричал он из лифта.

С сомнением Иван прикрыл за ним дверь, в кухне налил себе в чашку остатки заварки и вернулся на лестничную площадку. Сел на корточки. Попивая, смотрел вниз, на ступени и решётку перил. Возвращался, доливал горячей воды. Ему было лень заваривать чай снова, так что вскоре он пил уже просто тёплую воду.

Иван размышлял о благословении. Не то чтобы оно было залогом успеха. Скорее – защитой от мук совести в случае неудачи. Теперь, когда Костя приползёт к нему, зашибленный своими «дровами», виноват будет он, Иван! Так, чуть улыбаясь, он думал. И думал уже без улыбки: вот лежит в комнате на столе укоризненный «Чемоданов». И нет никого, кто дал бы благословение отвезти его Бэлке. Ошибёшься, предашь, растратишь – мучься сам!

* * *

Костя отхлынул, и жизнь выровнялась, как дыхание. В своем стариковском обществе Иван продолжал наблюдать за растущей зимой. Накатывали метели – сначала крупяные, потом влажные, наконец, истинно зимние – когда снежинки, сухие и пушистые, как липовый цвет, густо летят над землёй. На лесных прогулках от снега ныли глаза, колёса вязли в лесном неутоптанном насте, а Иван и представить себе не

мог, как завершить сезон.

Так бы и кататься ему всю зиму, но однажды на спуске в овражек он увидел впереди человека, одетого со спортивной отвагой – в тренировочные брюки и футболку, взмокшую на спине. Человек шёл бодро, из-под его кроссовок брызгало листвой и толчёным льдом. Проскальзывая, он сбежал в овраг и на разбеге взлетел вверх по тропе, чуть тронув ладонью землю – как смазавший прыжок фигурист.

Иван смотрел с полуулыбкой. Ему стало понятно необъяснимое словами превосходство пешехода над ездоком.

С тех пор он ходил на реку пешком. И хотя темнело рано, и одеваться приходилось тепло, настроение у него было лёгкое.

А тут ещё пришла счастливая весть от мамы: без помощи второго бывшего мужа, подходящей работы в Вене для неё так и не нашлось. «В Москву-у-у!..» – гудело над мамой зимним ветром, но она крепилась, потому что вернуться значило признать поражение.

Иван её не торопил, но чувствовал, что разлуки им осталось на месяц – не больше. И это хорошо, потому что дома, уж конечно, ей станет легче! Иван верил, что человека, живущего на родине, окружает полезный пар, питательная среда, которую способен усвоить лишь тот, кто в ней рождён. Наверно, было бы справедливо назвать этот пар неудобным словом «любовь». Но ему не хотелось так просто сдавать своё, с трудом завоёванное трезвомыслие.

«Может быть, дело в климате?» – надеялся он. И придиричиво осматривал, словно бы готовил к приезду мамы родные окрестности. Как придётся ей западный ветер с реки? А новый пейзаж с возведёнными по небу башнями? Приноровятся ли ноги ко льду? Привыкнет ли сердце к волнению за душушку с бабушкой?

Вопросы не отпускали. Он всё думал – как честно объяснить маме своё житьё-бытьё, что прекрасно в нём, а что горько. И однажды его озарило. Иван отправил маме по электронной почте несколько строк.

«Ты спрашиваешь, как мы тут себя чувствуем в целом? – писал он. – Я скажу тебе. У нас неподалёку строят дом. Я из окна наблюдаю за стройкой. Там на высоте двадцати этажей каждую ночь сидит крановщик. Мне всё время хочется отнести ему еды – как будто он узник в башне, но я знаю, что это лишнее. В кабинке ему не страшно. Под ним – просторная, хорошо укрытая снегом Русь. Ветер его качает. У него горит свет. Вот такая метафора».

Снег и правда порадовал Ивана в этот год. Метели, каких не знали давно, отгородили Россию от всего бесснежного мира. В коконе снега, уютном, как никогда, зима и Иван с нею подвинулись к Новому году. В это время из своего голого, обделённого снегом края ему позвонил Андрей.

– У меня грандиозная новость! – сообщил он. – И всё по твоей вине! Я знал, что ты способный парень, но чтобы вот

так, одним тостом переменить жизнь!..

Оказалось, всё это время Андрей не звонил потому, что хотел довести свою новость до блеска, и вот теперь, он был готов представить её Ивану.

– Я купил дом! – объявил он. – Но это не всё. Я не могу тебе сказать всего вот так, не видя лица. Ты зайди на «почту», я тебе письмо отправил с фотографиями. Посмотри – потом созвонимся.

Как понял Иван, средиземноморское приобретение нравилось Андрею всерьёз. Да что там нравилось – он буквально плакал от благодати, и письмо его было солёное.

«Встаёшь – цветные туманы! По одну сторону море, по другую холмы – Божий мир, иначе и не скажешь. Люди весёлые, приличные, девчонки все – барышни, ребята – такие ремарковские. Круглые год цветы, птицы – никто на зиму не умирает! Вообще никто не умирает! И никто тебе не указ. Живёшь себе, как человек, вольно, на лучшей земле. Ты приглядись хорошенько! Но вообще фотографии ничего не дают. Тебе надо увидеть!»

Иван читал и удивлялся: с его другом произошла странная вещь. Как если бы душа пресытилась властью трезвого разума и сорвалась в детство, к романтическим первоосновам.

Цель у Андрея была простая – побыть строителем, садоводом и виноградарем, трудом завоевать себе новую родину. Заботы не пугали его. Со временем он собирался освоить и

море. «Мужчина обязательно должен плавать, чтобы берега не видно! – писал он. – И летать».

На покупку приморского сада Андрею пришлось взять кредит. Зато его деловая муза ожила. Он знал, что в каждой сделке кроется пядь легендарной земли, и работал с вдохновением. «Ещё годок, – писал он. – И я свободен!»

С растерянной симпатией Иван пролистал десяток снимков, прикрепленных к письму. Одна картинка его задела. Он развернул её во весь экран и смотрел с улыбкой, как в солнечно-зелёном саду на гряде камней восседает Андрюха, весёлый, в зелёной бандане. А позади него, в глубине сада, дева в платье до пят несёт, словно ведёт за руку, пустой картонный ящик. Кроме пиратского головного убора, никаких бросающихся в глаза перемен в своем друге Иван не нашёл. Он распечатал снимок и, держа в руках глянцевый лист, долго всматривался – где там счастье?

Когда же, наконец, отложил фотографию и, выключив лампу, собрался уйти, вид за окном поразил его. Иван сделал шаг навстречу и замер. На улице творилась невообразимая суматоха – намешанные во мраке снежные хлопья крутились и лупили в стекло. Москву накрыла буря. И сразу же зазвонил телефон: бабушка с дедушкой на перемену погоды дружно почувствовали недомогание. Пришлось, напялив наскоро свой бутафорский оптимизм, картонное своё спокойствие, идти и утешать их. В тревоге, в дыму валокордина, Иван провёл остаток вечера. «Какие моря! – думал он го-

рестно. – Какой ещё виноград!»

А когда измученный, пьяный от тревоги и снега вернулся домой и попал взглядом всё в тот же зелёный кадр, гнев пронзил его. Со злостью он схватил телефон и позвонил Андрею – требовать отчёт о предательстве.

– Я посмотрел твои картинки! – произнёс он. – Ну и как же тебя угораздило? Что, вот так, приплыл на Гозо, увидел «лодку» и переменял жизнь?

– Ну, почти! – согласился Андрей.

– Расскажи мне подробности, если тебя не затруднит!

– погоди, ты злишься что ли? – растерялся Андрей.

– Да! Может быть, я и злюсь, – сказал Иван. – И я даже могу объяснить причину. Я так понимаю, раз ты купил дом – значит, рано или поздно, ты будешь там жить? Следовательно, даже если закончится твой контракт во Франции, в Москву ты всё равно не вернёшься! Да и на отпуск вряд ли приедешь! Какой дурак едет на отпуск в Москву, когда у него дом на море! Вот это меня, ну, скажем, не злит, а интересует – что может нормального, не чокнутого человека заставить бросить всех, с кем был, кто растил!.. И родину!.. – Тут Иван умолк, почуяв излишек пафоса.

– Да ну что ты! – растерялся Андрей. – Наоборот, я хотел для всех! Я ведь так и решил – буду встречать гостей, родственников, чтоб они зиму у меня пережидали. Поработаю ударно, выплачу, чего там должен, потом, может, отельчик организую, по типу агротуризма. Женюсь, состарюсь, на-

учусь рисовать, продам картины, куплю внуку виноградник. И он уже будет встречать твоих внуков – я так ему завещаю! А сам сяду в парусную лодку – и поплыву, как Одиссей. Я шучу, конечно. Но всё же – чем не судьба?

– Лучше бы ты у нас на Лихачёвском шоссе клал асфальт! – припечатал Иван.

И, как это бывало с ним, когда чувство собственной правоты зашкаливало, его ждал урок.

На следующий день он поехал менять права, и в ГАИ патриотический порыв отлетел. Фотографию, на которой вышел «моргнув», отказались переснимать. Он попытался спорить, но был сражён ледяным, визгливо-железным тоном сотрудника. Иван скомкался, потерял свободу. Его замутило от безразличного страха. Призрак тридцатых отделился от стен.

По дороге домой он, как мог, высмеивал себя за впечатлительность, и всё-таки, отмахнуться не удалось. Историю родины ввели ему крохотной каплей, как прививку. Лёгкое недомогание – и опыт влился в кровь. Тут простая мысль об Андрюхиной покупке пришла ему в голову. Может, дело не только в море, а просто человек захотел иметь недвижимость в государстве с мирным прошлым?

В тот же вечер, стоя у кассы в ближайшем от дома супермаркете, Иван стал свидетелем драмы. Охранник поймал ворешку – щупленького парня с банкой консервов под курткой. Тот вырывался отчаянно, и, может, сбежал бы, но кто-

то из персонала додумался схватить железную корзину для продуктов. С помощью этой корзины они и одолели вора. Иван со спазмом в солнечном сплетении считал удары. Когда парня уводили, на его белом лице уже вспухали красно-сизые полосы.

Персонал ликовал. Иван взглянул на победную улыбку кассирши, одним махом вывалил содержимое своей корзины на стол у кассы и с пустыми руками пошёл к выходу. «Это что! – не поняла кассирша. – Молодой человек, стойте!» Иван хотел повернуться и объяснить, но тихое чувство тщеты, натёкшее в сердце, залило порох. Поучительным же во всей этой истории было то, что, вернувшись домой, он обнаружил: у него из кармана вытащили мобильный.

Запретив себе распутывать хитросплетения дня, Иван с чашкой чая сел к своему окну и из социально-политического измерения мыслей переместился в измерение рощ, дворов, собак и птиц, в измерение снежного ветра, метущего город и пригород. Как он в нём отдохнул!

Как ни странно, после разговора с Андреем, оба напуганные тем, как истончилась их дружба, они взялись перезваниваться. Разговаривали не подолгу, но часто.

Как всяким людям, давно не сверявшим часов, им было трудно; они двигались навстречу неуклюже, сто раз озвучивали один и тот же спор, обсуждали заведомо незначительное. Но однажды Иван почувствовал, что опять, как раньше,

по голосу видит выражение Андриюхиного лица.

Так, понемногу, они возвращали себе утраченное.

* * *

Иван не видел Костю с начала зимы. Правда, однажды наткнулся в институтском гардеробе на Женю с Машей. Поплевав на бумажный платок, Женя драил барышне ботинок. Заметить Ивана он не мог, поскольку был повёрнут спиной, зато его узнала Маша. Секунду они смотрели друг на друга, как смотрят человек и белка – не имеющие общего языка, но притянутые взаимным интересом. А затем расцепили взгляды и больше не встретились.

Маша похудела, котомку с вязанием и тетрадями сменил пристёгнутый к ремню штанов чехол со смартфоном. «Ну вот, и её захватили веб-страсти!» – решил Иван, уходя.

После института, а иногда и до, и даже вместо, Иван любил заглянуть к Мише в «Кофейную».

За своё недолгое и неглубокое знакомство с ним Иван догадался: Миша был из тех людей, что охотно заполняют собой пробелы и паузы, но попробуй навязать им роль – их и след простыл.

В те дни у Ивана как раз был «пробел». Работа не ладилась, Костя исчез, бабушка с дедушкой чувствовали себя сносно.

Он стал наведываться к Мише и, совершенно не стыдясь своего тунеядства, проводил за столиком не менее часа. Поэты Туманного Альбиона делили с ним его чай. Он приносил с собой распечатанные из Интернета стихи и заучивал наизусть их мёд и ветер. Случалось, потеснив поэтов на край стола, чай разделял с ним сам хозяин прибежища. Горячая вода была полезна ему – Миша мёрз, боялся лесов и велосипедов, Москва испортила его, как властная мама. Миша любил её панически, не решался оставить хоть на миг и выражал свою привязанность, сочиняя экскурсии. Таково было его Чувство Родины.

Как человек с большим артистизмом, Миша не признавал банальных тем. Предложения об обзорных экскурсиях вызывали в нём высокомерный смех. Зато он брался реконструировать маршрут дореволюционной кухарки какого угодно района старой Москвы по местным рынкам и лавочкам, и в подробностях описать, какие были тогда в ходу калачи и сайки – чуть ли не испечь! Иван уважал Мишино хобби, но экскурсий не посещал. Он шёл в лес шуметь заснеженной листвой, и родину воспринимал как природу.

Однажды из окна Мишиного кафе Иван увидел Костю. Тот перебежал улицу, прорезая себе дорогу между машинами.

– Костя! – крикнул он через глухое стекло и замахал рукой. Костя вскинул взгляд, и радостно, как-то весь распах-

нувшись, сменил курс в направлении «Кофейной».

– Брат? – полюбопытствовал Миша. – Или племянник? Вижу, что родственник.

– Да, – кивнул Иван, – наверно, племянник. Крестник! – и обрадовался найденному слову.

– Тревожный возраст, – сказал Миша. – Главное – миновать наркотики.

Иван хотел как-нибудь тепло и с юмором отозваться на Мишино участие, но тут из дверей подул. С разгону, чуть ли не со свистом тормозя, Костя вписался к нему за столик. «Привет!» – крикнул он, стряхнул на спинку стула пальто и остался в рубашке. Иван знал эту вещицу, она нравилась ему своей грубой фактурой и охровым цветом, подходящим к слову «этюдник». Но на этот раз с ней произошло страшное – ткань висела кусочками, как будто всю её изрезали ножом, при этом один край каждого лоскута отгибался. Сквозь порезы светлело Костино тело.

– Это что? – без интонации, как всегда с ним бывало, если он испытывал потрясение, спросил Иван.

– Это мой портрет! – с ликованием разводя плечи, объяснил Костя. – Машка Женьке сплела ремень – медь и серый металл. Это два его цвета – это все знают, такой у него характер! Я хотел, чтоб она мне тоже сделала какую-нибудь фенечку, соответственно моей личности. Она обрадовалась, и порезала мою рубашку маникюрными ножницами, прямо на мне! Это мой портрет с натуры! Сейчас я такой! Рвусь во

все стороны – и не по швам! Моя счастливая рубашка, – добавил он, – буду в ней вечно.

– А я думал, ваша Маша не режет рубашек, – сказал Иван. – И тем вас подкупила. Не угадал.

– Да угадал, угадал! Она такая и была, – глотнув чаю из чашки Ивана, сказал Костя. – Но теперь раскрепощается понемногу. Хочет сделать страничку: пэчворк в защиту животных.

– И что это значит? – спросил Иван.

– Пэчворк – это такая техника. Вроде лоскутного шитья. Она же рукодельница! Да неважно. Важен сам факт – что человек отцепился от бабушки – в отличие от тебя! – и человек растёт! Готов совершать шаги, теплеет к людям!..

– Ну а ты-то чем занимаешься? – перебил Иван.

– Чем занимаюсь! Ношусь чёрт знает где, внедряюсь куда ни попадя, пиарю наш проект. Уже облазил все клубы. Мне в одном чуть башку не снесли. Меня только бесит Женька. Он у нас типа за старшего! Понимаешь, я пишу, а он на мне самоутверждается – мол, это ты, брат, перепиши, аудиторию это не цепляет, и прочий бред! А какое он имеет право меня судить? Право брата Фолькера?

– Неужели такой дурачок? А мне показался неглупым, – заметил Иван.

– Неглупым? Ну, может быть, – внезапно остыл Костя и с удовольствием погладил лохмотья на своём животе. – Ничего! Всё, в целом, идёт, как надо. Фолькер трогательно мне до-

веряет. Он сейчас упёрся в музыку. Я ему нужен. У него идея – у меня тут же рифмованный текст. Надо же, говорит, как некоторым всё просто даётся! Конечно, мне не охота превращаться в личного секретаря. Тут надо держать баланс. Но в любом случае, Женьку я подвину. Это первая новость. А вторая новость – это Машка. Знаешь, что я заметил? Разговаривает она со мной! Дружит! Обращается вроде ко всем – а смотрит на меня. Так что ничего, работает твоё благословение!

– Нечего врать. Я благословлял тебя только на то, чтоб ты был человеком, – нахмурившись, сказал Иван.

– А быть человеком – это брать пример с тебя? Сомневаться и бездействовать во веки веков, аминь? – засмеялся Костя. – Слушай и учись! Есть правило: возникло перед тобой добро – бери, возникло зло – сметай. Женька – бездарный зануда, и я обойду его на первом повороте, потому что он – моё зло. А вот добро я возьму. Просто выиграю турнир – и в награду любовь королевы!

Иван молча смотрел в окно на единственный тополь – тот, с которого летела листва в день, когда Костя знакомил его с Женей и Машей. Он думал, что возражать в данном случае совершенно бессмысленно. Надо ждать и терпеть, пока ребёнок получит свой опыт. А опыт ведь – «сын ошибок».

– Кстати, – продолжал Костя, – я Фолькеру рассказывал про тебя. Ну, про все твои странности – как ты сидишь со стариками и прочее. Он спросил, не больной ли ты? Я и не

знал, что ответить! Ты прикинь, он даже захотел с тобой познакомиться! Ему интересно. Может, сходим в гости? Хоть посмотришь, как люди живут!

– Конечно, нет, – сказал Иван.

– Пойдём! – принялся уговаривать Костя. – Я обещал. Люди такого масштаба, они же упрямы, как танки! Если ты не придёшь – он сам тебя где-нибудь перехватит.

Иван пожал плечами.

– Да ладно, не напрягайся! – рассмеялся Костя. – Я пошутил. Никому ты не нужен! Ты – лузер! Кому ты можешь быть интересен? Даже я тебе не звоню! – он схватил «этюдник», со спинки стула сдёрнул пальто и вылетел вон.

Иван подвинул к себе свою чашку, отпил и бесцельно пролистнул меню. Плоский мир, в котором обитал теперь Костя, возник у него перед глазами – вот дом, вот вертолётный ангар, вот сами герои, изображённые в стилистике «Симпсонов», лезут по верёвочной лестнице на далёкую мушку с пропеллером. Ну и пусть, на здоровье! Мультфильмы нужны планете.

В этот миг из-за занавеса появился Миша. Он вежливо скрылся там на время Костиного выступления.

– Ну что? – спросил он, – коньяк за здоровье крестника? Так уж и быть, я с Вами.

Иван мотнул головой.

Ему хотелось выпить с Мишей, он ценил его утешительный такт, но была гармония в их приятельстве – бокал мог

её нарушить; даже просто несколько лишних слов могли её сбить.

Он расплатился и, поблагодарив Мишу за кров и участие, вышел.

Поднималась лёгкая предпраздничная пурга. Вернувшись домой, Иван пожалел, что не заехал в офис. Еще только день – мог бы и заехать. А то что теперь делать? Он прогулялся по квартире, осматриваясь – не требуется ли что-нибудь починить или разрушить? Переставил подальше от батареи сохнущую герань и сдался грусти.

Конечно, он понимал, что Костя и сам себе не рад. Разве он виноват, что как только закипает кровь – с древнего дна поднимается мутная пена. Пока ещё справишься с ней! Хорошо если к старости усмиришь свою реку. К тому же, в Костином бреду повинен не столько сам Костя, сколько поддельная жизнь мегаполиса. Надо быть затворником или стариком, чтобы устоять.

«В конце концов, – решил Иван, – если бы мы сейчас жили в блокадном Ленинграде, Костя с той же страстью добывал бы для Олиного Макса еду. Он бы спас меня из любого плена».

Так он думал, разрабатывая потихоньку «защиту» Кости, и, доведя её до некоторой степени прочности, пошёл навещать своих.

Иван застал бабушку с дедушкой у телевизора, включенного на полную громкость. Они смотрели новости, в кадре была Москва. Красную площадь обмакнули в снег, как в муку. Иван глянул в окно – и там белела всё та же рождественская пекарня. Пахло хлебом даже через стекло. Он спросил, не хочет ли бабушка прогуляться с ним по муке и сахарной пудре? Иван любил прогулки с бабушкой и собирал их впрок. Словно бы каждый общий шаг по земле укреплял нитку, которая останется между ними, когда они будут по разные стороны.

На улице от холодного ветра у бабушки раза два «упало» сердце. Иван смахнул снежок с лавочки, и они сели. Сжав бабушкино запястье под перчаткой, он вникал в перебои и, как всегда в такие моменты, испытывал здоровую человеческую ненависть к мироустройству. «Ничего», – наконец, кивнул он и отпустил. Глядя на снежную пыль, они поговорили о маме, поговорили затем о бабушкиной прогрессирующей глаукоме. Подспудно Иван радовался таким несмертельным болезням – как будто, насобирав их по мелочам, можно было бы откупиться от главного.

Подышав полчаса, они вернулись домой. Бабушка легла, а внук пошёл к себе. С чистым от снега сердцем он сел за стол и открыл Бэлкин учебник. В некоторых главах Чемодановского творения разбирались примеры средневековой поэзии. Их зачаточный немецкий был мил Ивану, как речь ребёнка. Читая, он улыбался.

Иногда его отвлекали мысли: например, не заказать ли для мамы билет в Москву? Или себе – билет до Вены? Он размышлял недолго и опять возвращался к чтению. Время, понапрасну текущее мимо письменного стола, не тревожило его. Он как будто знал, что двух крыл – искусства и мыслей о близких – вполне достаточно, чтобы перелететь жизнь.

К ночи, когда Иван окончательно погрузился в сугроб своего покоя, входная дверь разразилась долгим, рваным звонком.

– Вот и я! – крикнул Костя, сжав Ивана в ледяных руках пальто. Его лицо было схвачено морозом – румянец румянился, синяки под глазами синели, в чёрных волосах шикарно поблёскивало новоприобретённое серебро.

Когда Костя разделся, оказалось, «счастливой» рубашки нет на нём. Он был в футболочке и дрожал.

– Хорошо, что мы сегодня так случайно столкнулись! – воскликнул он, устремляясь в комнату. – Я потом думал, до чего ж замотался – совсем тебя забыл! И моё сегодняшнее хамство! Я не извиняюсь – ты простишь. Главное, я очень замёрз! – сказал он и, содрав с кресла плед, обмотался им с головой. – Давай мне всё тёплое и горячее! Подушку мне, одеяло, ужин, водку – и я тебе кое-что расскажу! Да что там – я расскажу тебе всё!

– А марихуаны не надо? – спросил Иван и принёс Косте чаю с медом.

В обнимку с чашкой, с пледом на голове, Костя засел в углу дивана.

– Помнишь, мы с тобой говорили о моём выборе? – начал он. – Я похвалялся трезвостью. Думал – вот сверю плюсы с минусами и решу. Сколько гордыни! А выбора-то и нет!

– Что так? – спросил Иван, внутренне замерев.

– А, может, я Машку люблю! – крикнул Костя и высвободил голову из пледа. – Может, люблю её, а? Скажешь, я сволочь? А что мне делать, когда она у меня на пути! И не просто на пути! Она так у меня на пути – что о-го-го! И всё остальное мне, в общем, до лампочки – поэтому я и забыл о тебе. Зато для Машки я Карпаты переставлю на место Альп, или что угодно! Представляешь, надыривила кучу пирсов, моднеет на глазах, ругается с бабушкой. Рвётся к Женьке, потому что у них бурлит время. Дом Фолькера – этакий гейзер времени! Так что, если я хочу её заполучить, мне придётся быть с ними! Другого способа нет. Если я, допустим, решу получить образование и самостоятельно чего-то достичь – на это сколько лет уйдёт? Так что нет у меня выбора! – подытожил он. – Такой вот шантаж судьбы.

Слушая его, Иван вспомнил, что уже несколько недель не видел на вешалке в институте жёлтый Машин берет. Бесстрашные не покрывают головы. Какая-то старая сцена из романа мелькнула перед ним – Маша, бабушка, обрыв – но зато уж после этого душа спасена. Исправится, отыщет котомку с вязаньем...

– Ты бы зря не сбивал человека! – сказал он. – Перетерпи уж как-нибудь.

Но Костя не мог терпеть.

– Дай пожить! – возмутился он. – Ну в конце концов! Ну заплачу, если спросят!

Понемногу между репликами Костя стал зевать, прилёг щекой на подлокотник. Озноб прошёл. Чай разморил его, и он продремал минут двадцать, пока на телефоне не зазвенел будильник. Оказывается, сегодня ему ещё было надо в клуб.

Иван с растерянным сожалением наблюдал, как, превозмогая себя, собирается Костя. Плещет в лицо ледяную воду, тарашится в зеркало на белизну и синь своего лица: «Что, хорош я?» Как затем, одеваясь, провозглашает: «Кофе мне, сигарету, жизнь!» И, присев уже в пальто, смиренно ждёт, пока докипит кофеварка.

Из маршрутки Костя позвонил ему. «Метели нет! – сообщил он. – Но всё в какой-то мелкой пудре. Еду и думаю: ну у нас и земля!»

* * *

На следующий день он проснулся от невидимой волны оживления, встал и отдёргнул штору. В окне был мутно-серый, с отдушкой сирени, рассвет. Иван помнил такой рассвет из юности, когда приходилось вставать и входить в него, как в холодное озеро, мучительно преодолевая дрожь. Он вспом-

нил ещё, как тают в тепле маршрутки одеревеневшие плечи, плечи – мороженое «эскимо». В стекле пробегает сиреневый город, посыпанный огнями окон. И вроде бы снег...

Сегодня снега не было. Двери дома напротив распахивались то и дело, выпуская на расчищенный асфальт взрослых, детей и изредка – стариков. Какой-то подросток, отойдя от подъезда, воровато оглянулся на окна – не смотрит ли мать? – и, сорвав с головы шапку, сунул в карман. Иван проводил его участливым взглядом и подумал о юности – своей, прошедшей недавно, и нынешней Костиной. Всё-таки, юность ему не нравилась, нет – в ней было тревожно. Лучшие времена располагались позади... Он снова плюхнулся на кровать и лежал без сна, открыв чемодан с детством.

А когда часом позже отправился в офис и встретил по пути двух прохожих с ёлками, причина утренней сентиментальности стала ему понятна. До Нового года оставалось три дня! Видимо, внутренние часы, заведённые в детстве, до сих пор тикали и в нужный срок подавали сигналы к началу праздника – смятение чувств, требование волшебных приготовлений и прочее, прочее, что теперь, не-в-детстве, было совершенно излишне.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.